

ТАМБОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ.

№ 19-й.

13-го Мая 1906 года.

ТАМБОВЪ.
Типо-литографія Губернскаго Правленія.

ГОДЪ

LXVII

ТАМБОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢДОМОСТИ

М. Е. М. 1906 г.

№ 19.

Выходятъ еже-
недѣльно по суббо-
тамъ. Подписка при-
нимается въ Редак-
ціи, при духовной
Семинаріи.

13 МАЯ
1906 ГОДА.

Годовая цѣна съ
пересылкою и до-
ставкою 6 р. 25 к.
Подписка на время
менѣе года и про-
дажа отдѣльных
номеровъ не допу-
скаются.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу
Синодальнаго Оберъ Прокурора, согласно опредѣленію
Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилости-
вѣйше соизволилъ удостоить награжденія духовныхъ
лицъ Тамбовской епархіи нижеслѣдующими знаками
отличія:

А) за службу по епархіальному вѣдомству:

а) орденомъ св. Анны 2-й степени — гор. Тамбова, Введенской церкви протоіерей **Василій Олерскій**; церкви села Новыхъ Выселокъ, Спасскаго уѣзда, протоіерей Іоаннъ **Богоявленскій**; церкви села Полетаева, Борисоглѣбскаго уѣзда, протоіерей **Владиміръ Знаменскій**; *б) орденомъ св. Анны 3-й степени* — гор. Тамбова, Христорождественской церкви протоіерей **Михаилъ Тюменевъ**; церкви села Пригородной Станичной Слободы, Борисоглѣбскаго уѣзда, протоіерей **Василій Аладинскій**; гор. Тамбова, Вознесенскаго женскаго монастыря священникъ **Феодоръ Поспѣловъ**; церкви села Разказова, Тамбовскаго уѣзда, священникъ **Митрофанъ Никольскій**; церкви села Лѣвыхъ Ламокъ, Моршанскаго уѣзда, священникъ **Матвѣй Знаменскій**; церкви села Большой Липовицы, Тамбовскаго уѣзда, священникъ **Григорій Тимошеевъ**; церкви села Сукманки, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ **Константинъ Озеровъ**; церкви села Колаиса, Кирсановскаго уѣзда, священникъ **Іоаннъ Соловьевъ**; церкви села Казинки, Липецкаго уѣзда, священникъ **Василій Лисицинъ**; церкви села Стараго Червѣва, Шацкаго уѣзда, священникъ **Григорій Островскій**.

Б) за службу по военному и гражданскому вѣдомствамъ

Орденомъ Св. Анны 2 ст. Троицкой церкви г. Шацка священникъ **Іоаннъ Дмитревскій**.

С Ц И С О К Ъ

лицамъ духовнаго званія Тамбовской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

а) палицею гор. Тамбова, Преображенскаго кафедральнаго собора настоятель протоіерей **Михаилъ Озеровъ**; насто-

атель Саровской пустыни, Темниковскаго уѣзда, игумень **Иерофей**; б) *саномъ протоіерея* — гор. Тамбова, Преображенскаго собора священникъ Тихонъ **Поспѣловъ**; Сухотинскаго женскаго монастыря Знаменской церкви, Тамбовскаго уѣзда, священникъ Николай **Никольскій**; церкви села Сотнищина, Шацкаго уѣзда, священникъ Стефанъ **Назаровъ**; церкви села Сосновки, Моршанскаго уѣзда, священникъ Василій **Рождественскій**; церкви села Александровки, Рѣдкино-тожъ, Козловскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Марновъ**; в) *наперстнымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ* — г. Тамбова, Троицкой церкви священникъ Павелъ **Громновскій**; гор. Тамбова, Богородичной церкви священникъ Алексій **Поспѣловъ**; церкви села Бурнака, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ Ѳеодоръ **Свѣтозаровъ**; гор. Усмани, кладбищенской Покровской церкви священникъ Петръ **Няжинскій**; церкви села Николаевки, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ Константинъ **Вигилянскій**; церкви села Новоуглянскаго, Уманскаго уѣзда, священникъ Андрей **Молчановъ**; церкви села Дризговъ, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ **Кременецкій**; церкви села Малой Даниловки, того же уѣзда, священникъ Михаилъ **Зотиковъ**; церкви села Гаугеровки, Моршанскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Кошеляевскій**; гор. Липецка, Вознесенской церкви священникъ Самеонъ **Щеголевъ**; гор. Липецка Успенской церкви священникъ Павелъ **Израильскій**; церкви села Хитрова, Тамбовскаго уѣзда, священникъ Григорій **Муравьевъ**; церкви села Дьячки Шацкаго уѣзда, священникъ Никифоръ **Колчевъ**; церкви села Пергова, того же уѣзда, священникъ Арсеній **Миловидовъ**; церкви села Подысакова, того же уѣзда, священникъ Александръ **Борецкій**; церкви села Акаева, Темниковскаго уѣзда, священникъ Василій **Виноградовъ**; церкви села Ваясь, Елатомскаго уѣзда, священникъ Дмитрій **Гумилевскій**; бывшаго города Демшияска, Уманскаго уѣзда, Николаевской церкви священникъ Іоаннъ **Казминскій**; Темниковскаго уѣзда, Кадомскаго Милостиво-Богородицкаго женскаго монастыря

пастоятельница игуменія **Рафаила**; Тамбовскаго Предтече-Трегуляева монастыря іеромонахъ **Іона**; Темниковской Саровской пустыни іеромонахъ **Нектарій**; той же пустыни іеромонахъ **Питиримъ**; той же пустыни іеросхимонахъ **Свмеонъ** г) *камиласкою*—гор. Тамбова, Варваринской церкви священникъ **Василій Реморовъ**; церкви села Митрополья, Тамбовскаго уѣзда, священникъ **Петръ Благонадеждинъ**; церкви села Горьлаго, того же уѣзда, священникъ **Іоаннъ Поповъ**; церкви села Суравы, того же уѣзда, священникъ **Василій Тигровъ**; церкви села Рослий, того же уѣзда, священникъ **Іоаннъ Ждановъ**; церкви села Бычковъ, того же уѣзда, священникъ **Василій Островитяновъ**; церкви села Плоскаго, Козловскаго уѣзда, священникъ **Алексій Писаревъ**; церкви села Крюковки, того же уѣзда, священникъ **Митрофанъ Лебедевъ**; церкви села Стаева, того же уѣзда, священникъ **Феофанъ Кочемировскій**; гор. Моршанска, Троицкой церкви священникъ **Николай Багрянскій**; церкви села Веселаго, Моршанскаго уѣзда, священникъ **Алексій Архангельскій**; церкви села Верхней Ярославки, того же уѣзда, священникъ **Алексій Чернѣевскій**; церкви села Мучкапа, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ **Петръ Магнитскій**; церкви села Ростошей, того же уѣзда, священникъ **Василій Разумовъ**; церкви села Моисеевской Алабушки, того же уѣзда, священникъ **Махаилъ Соколовъ**; церкви села Малыхъ Алабуховъ, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ **Владиміръ Преображенскій**; гор. Кирсанова, Тихвино-Богородицкой церкви при женскомъ монастырѣ священникъ **Василій Архангельскій**; церкви села Сухого Калаиса, Кобяки тожь, Кирсановскаго уѣзда, священникъ **Василій Друговъ**; церкви села Усть-Напды, Богданово тожь, того же уѣзда, священникъ **Алексій Знаменскій**; церкви села Красивки, того же уѣзда, священникъ **Махаилъ Казанскій**; церква села Пересыпкина, того же уѣзда, священникъ **Василій Пересыпкинскій**; церква села Осиньвыхъ Гаевъ, того же уѣзда, священникъ **Василій Космодаіанскій**; церкви села Дворянщины,

того же уѣзда, священникъ Іоаннъ **Зотиковъ**; церкви села Вяжли, того же уѣзда, священникъ Николай **Минервинъ**; церкви села Караула, того же уѣзда, священникъ Дмитрій **Камневъ**; церкви села Вадовскихъ Селищъ, Спасскаго уѣзда, священникъ Константинъ **Митропольскій**; церкви села Еременки, Усманскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Преображенскій**; церкви села Казинки, Липецкаго уѣзда, священникъ Павелъ **Успенскій**; церкви села Студенокъ, того же уѣзда, священникъ Владимиръ **Покровскій**; церкви села Яблоновца, того же уѣзда, священникъ Александръ **Серповскій**; церкви села, Слободки, Лебедянскаго уѣзда, священникъ Петръ **Веселовскій**; церкви села Хрущева, того же уѣзда, священникъ Владимиръ **Бредихинъ**; церкви села Юрина, Шацкаго уѣзда, священникъ Іоаннъ **Островскій**; церкви села Рыслей, того же уѣзда, священникъ Стефанъ **Тихомировъ**; церкви села Ункосова, того же уѣзда, священникъ Михаилъ **Румянцевъ**; церкви села Саблина, того же уѣзда, священникъ Никита **Смирновъ**; церкви села Шаль, Темниковскаго уѣзда, священникъ Василій **Свѣтловъ**; бывшаго города Кадома, Темниковскаго уѣзда, Преображенской церкви священникъ Іоаннъ **Кобяковъ**; церкви села Церлева, Елатомскаго уѣзда, священникъ Василій **Богоявленскій**; церкви села Гридина, Елатомскаго уѣзда, священникъ Александръ **Даньновъ**; церкви села Адриановой Пустыни, того же уѣзда, священникъ Александръ **Дубровицкій**.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Опредѣлены: на псаломщическое мѣсто къ церкви с. Поповки, Козловскаго уѣзда, бывший ученикъ IV кл. Серафимовскаго духовнаго училища Сергѣй Лукинъ, — 3-го мая; исправляющими должность псаломщика: 1) къ церкви с. Рыбнаго, Моршанскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій Ханинъ, — 4 мая; 2) къ церкви с. Цитерки, Моршанскаго уѣзда,

крестьянинъ Иванъ Оленинъ,—8 мая; 3) къ церкви с. Пертова, Шацкого уѣзда, крестьянинъ Іаковъ Давыдовъ,—8 мая.

Перемѣщенъ псаломщикъ с. Рыбнаго, Моршанскаго уѣзда, Леонинъ Адамовъ къ церкви с. Тарадѣй, Шацкого уѣзда,—4 мая.

Назначены на должности: 1) духовника по 4 Усманскому округу священникъ церкви села Новочеркутина Іоаннъ Лукинъ; 2) церковныхъ старостъ къ церквамъ сель: Тамбовскаго уѣзда: Серебрякова мѣщанинъ Николай Синельниковъ на 2 трехлѣтіе, Козловскаго уѣзда: Крутовскаго—крестьянинъ Антонъ Чекановъ на 4 трехлѣтіе, Поповки—крестьянинъ Филиппъ Мерзляковъ на 2 трехлѣтіе и Казинки—купецъ Николай Дмитріевъ на 2 трехлѣтіе, Карсановскаго уѣзда: Золотовки—крестьянинъ Цавель Комаровъ на 7 трехлѣтіе, Покровской Иры—Потомственный Почетный гражданинъ Иванъ Москалевъ на 3 трехлѣтіе и Колаиса крестьянинъ Димитрій Силинъ на 1 трехлѣтіе, Усманскаго уѣзда: Никольскаго—крестьянинъ Семень Наставшевъ на 1 трехлѣтіе, Лебединскаго уѣзда: Ольховца—крестьянинъ Миронъ Барѣевъ на 1 трехлѣтіе, Шацкого уѣзда: Старотомникова—крестьянинъ Василій Ступинъ на 1 трехлѣтіе, Темниковскаго уѣзда: Матчи крестьянинъ Иванъ Ваньковъ на 2 трехлѣтіе и Елатомскаго уѣзда: Савры—крестьянинъ Петръ Кодыровъ на 2 трехлѣтіе.

Награждаются похвальными листами церковные старосты: Вознесенской церкви города Елатымы мѣщанинъ Николай Умновъ за увеличеніе церковныхъ доходовъ и пожертвованіе имъ въ пользу церкви 275 руб. и церкви села Бутакова, Темниковскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Шмаковъ за увеличеніе церковныхъ доходовъ.

Объявляется Архипастырская благодарность Его Пресвященства, Пресвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкого, запаснымъ

нижнимъ чинамъ, прихода церкви села Прибытокъ, Тамбовскаго уѣзда, возвратившимся съ Дальняго Востока за пожертвованіе ими въ приходскую церковь хоругвей, иконы св. Великомученика Георгія и подсвѣчника къ ней, всего на 135 руб., прихожанамъ церкви села Земятчины того же уѣзда, за пожертвованіе ими въ приходскую церковь Иконы Божіей Матери, именуемой „Живоносный Источникъ“. покрыва на жертвенникъ, одежды на престоль и иконы Вышенской Божіей Матери, всего на 130 руб. и крестьянину села Моисеевской Алабушки, Борисоглѣбскаго уѣзда, Никитѣ Кудрявцеву за продолжительную, въ теченіи 20 лѣтъ, безмездную и примѣрную его службу въ качествѣ церковнаго сторожа при церкви названнаго села.

Уволены: а) *отъ занимаемыхъ должностей псаломщика:* 1) при церкви села Бредихина, Лебедянскаго уѣзда, псаломщикъ въ санѣ діакона Василій Голубевъ 30 апрѣля, согласно прошенію; 2) резолюціею Его Преосвященства, псаломщикъ с. Ивановки, Тамбовскаго уѣзда, Александръ Свѣтозаровъ,—3 мая. б) *за штатъ,* согласно прошеніямъ: псаломщикъ с. Питерки, Моршанскаго уѣзда, Василій Ненарковъ,—8 мая. 2) псаломщикъ с. Кобылинки, Тамбовскаго уѣзда, Аванасій Преображенскій,—8 мая. 3) церковныхъ старость при церквахъ сель: Чюрюкова, Козловскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифъ Давыдовъ, согласно прошенію и Мамонтова, Моршанскаго уѣзда, крестьянинъ Никифоръ Ермаковъ по распоряженію Епархіальнаго Начальства.

За смертью исключаются изъ списковъ: 1) за штатный протоіерей Покровской церкви г. Липецка Симеонъ Дмитріевъ Песковъ,—79 лѣтъ. Умеръ, состоя за штатомъ, 26 марта сего года. Вдовъ. Послѣ его смерти въ семействѣ никого не осталось. 2) заштатный священникъ с. Подгорнаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, Павелъ Коляковскій,—79 лѣтъ. Умеръ, состоя за штатомъ, 28 марта сего года. Послѣ его

смерти въ семействѣ осталась жена. 3) заштатный священникъ с. Оржанки, Тамбовскаго уѣзда, Сергій Александровъ Политовъ.—32 лѣтъ. Умеръ, состоя за штатомъ, 24 апрѣля сего года. Послѣ его смерти въ семействѣ осталась жена и 5 ро дѣтей. 4) діаконъ села Байловки, Моршанскаго уѣзда, Андрей Тимофеевъ Протопоповъ,—56 лѣтъ. Умеръ, состоя на службѣ, 17 апрѣля сего года. Послѣ его смерти въ семействѣ остались жена и 4-ро дѣтей.

Пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

I.

Въ Тамбовскую Духовную Консисторію поступило кружечнаго сбора, производимаго въ церквахъ епархіи въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая:

Отъ благочиннаго 3-го Усманскаго окр., священника Іоанна Казьминскаго 12 руб. 80 коп., настоятеля Санаксарскаго м—ря игумена Августина 3 руб., благочин. 1-го Усманскаго окр. священника Андрея Молчанова 16 руб. 20 коп., благочиннаго Моршанскаго городского окр. протоіерея Іоанна Архангельскаго 13 руб. 78 коп., настоятельницы Кирсановскаго Тихвино-Богородицкаго женскаго м—ря игуменіи Антоніи 9 руб. 50 коп., Благочиннаго городск. Козловскаго окр. протоіерея Алексѣя Лебедева 20 руб. 46 к., благочиннаго 3-го Усманскаго окр. священника Іоанна Казьминскаго 15 р. 16 коп., священника с. Мордвиновки, Кирсановскаго уѣзда Іоанна Курганскаго 20 руб., благочиннаго 1-го Спасскаго окр. протоіерея Василя Вадковскаго 17 руб., благочиннаго 2-го Борисоглѣбскаго окр. священника Николая Безобразова 17 руб. 57 к., благочиннаго 2-го Елатомскаго окр. священника Петра Сеславинскаго 30 руб. 39 коп., настоятельницы Ахтырско-Богородицкаго женскаго м—ря игуменіи Митрофа-

ніи 1 руб., благочиннаго Тамбовскаго городского окр., протоіерея Михаила Назарьева 7 руб. 90 коп. и д. благочиннаго 4-го Тамбовскаго окр. священника Николая Милютина 30 р. 60 коп., отъ него же 20 руб. 74 коп., отъ него же 26 руб. 71 коп., благочиннаго 2-го Тамбовскаго окр. священника Митрофана Никольскаго 35 руб. 68 коп., благочиннаго 3-го Спасскаго окр. священника Константина Митропольскаго 6 руб. 40 коп., вр. и д. настоятеля Лебедянскаго Троицкаго м—ря, игумена Порфирія 9 руб. 65 коп., благочиннаго 4-го Моршанскаго окр., протоіерея Платона Богословскаго 39 руб. 73 коп., благочиннаго 2-го Спасскаго окр. священника Михаила Никольскаго 40 руб. 20 к., и д. благочиннаго 3-го Козловскаго окр. священника Алексѣя Писарева 47 руб., священника с. Васильевщины, Тамбовскаго уѣзда, Николая Кириллова 2 руб. 50 коп., и д. благочиннаго 2-го Темниковскаго окр., священника Александра Чермевскаго 41 руб. 77 коп., благочиннаго 3-го Кирсановскаго окр. священника Павла Тамбовскаго 32 руб., и д. благочиннаго 5-го Козловскаго окр., священника Стефана Рубинова 147 руб. 96 коп., благочиннаго Козловскаго городского окр. протоіерея Алексѣя Лебедева 13 руб. 89 коп., благочиннаго 4-го Борисоглѣбскаго окр. протоіерея Владиміра Знаменскаго 6 р.

Итого поступило 695 руб. 59 коп., а съ прежде поступившими 4056 руб. 37 коп.

II.

Пожертвованія на усиленіе военнаго флота.

Отъ благочиннаго 2-го Спасскаго окр. священника Михаила Никольскаго 70 коп. (пожертвовано священникомъ Николаемъ Новочадовымъ 30 коп., Михаиломъ Жуновымъ 20 коп. и церковнымъ старостой Порфиріемъ Осташевымъ 20 к.), отъ благочиннаго 3-го Усманскаго окр. священника Іоанна Казьминскаго 1 руб. (пожертвовано прихожанами и церковнымъ старостой с. Нелжи), отъ благочиннаго 2-го Тамбовскаго окр. священника Митрофана Никольскаго 3 руб. (пожертвовано Алексѣемъ Полянскимъ), отъ священника с. Салтыкова, Спасскаго уѣзда, Александра Левкоева 7 руб. 50 коп. (пожертвовано Пелагіей Лисейкиной 50 коп., Авилиной Никитиной 50 коп., Маріей Савиной 1 р.; Агафіей Китушиной 1 руб., Даріей Саксиной 1 р., Павломъ Кузнецовымъ 1 руб., Маріей Котыковой 50 коп., Еватериной Игнашиной 50 к., Евдокіей Савиновой 50 к.).

Итого поступило 12 руб. 20 коп., а съ прежде поступившими 113 руб. 46 коп.

СПИСОКЪ

свободнымъ священно церковно служительскимъ и просфорническимъ мѣстамъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста.

1) При церкви с. Большого Ломовиса, Моршанскаго уѣзда; свободно съ 8 марта; причта положено: священникъ и псаломщикъ; душъ м. п. 880; земли 30 дес.; причтъ получаетъ пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 400 р. въ годъ и, вмѣсто добротныхъ даваній, жалованье отъ прихожанъ, въ количествѣ 430 р. 54 к. въ годъ; кромѣ того причтъ пользуется $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 400 р.

2) При церкви с. Старой Стежки, Козловскаго уѣзда; свободно съ 20 апрѣля; причта положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 1251; земли 33 дес.

3) При новоустроенной Троицкой церкви с. Уварова, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 25 апрѣля; причта положено: два священника, діаконъ и два псаломщика; душъ м. п. въ обоихъ приходахъ с. Уварова 4673; земли съ неудобной 201 дес.

Діаконскія мѣста.

1) При Соборной церкви г. Кирсанова.

Подроб. свѣд. объ этомъ приходѣ помѣщены въ № 16 Епарх. Вѣд.

2) При церкви с. Студеныхъ Хуторовъ, Липецкаго у.

3) При новоустроенной Троицкой церкви с. Уварова, Борисоглѣбскаго уѣзда.

Подроб. свѣд. объ этихъ приходахъ помѣщены въ № 17 Епархіальн. Вѣдомостей.

4) При церкви с. Байловки, Моршанскаго уѣзда; свободно съ 2 мая; причта положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ, душъ м. п. 1034; земли 33 дес.

Псаломщическія мѣста.

1) При церкви с. Лѣвыхъ Ламовъ, Моршанскаго уѣзда.

Подроб. свѣд. объ этомъ приходѣ помѣщены въ № 14 Епарх. Вѣдомостей.

2) При Тюремной церкви г. Тамбова.

Подроб. свѣд. объ этомъ приходѣ помѣщены въ № 16 Епарх. Вѣд.

3) При Троицкой церкви г. Липецка.

Подроб. свѣд. объ этомъ приходѣ помѣщены въ № 17 Епарх. Вѣдомостей.

4) При церкви с. Бредихина, Лебедянского уѣзда; свободно съ 30 апрѣля; причта положено: священникъ, диаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 988; земли 34 дес.

5) При церкви с. Ивановки, Тамбовскаго уѣзда; свободно съ 3 мая; причта положено: священникъ, диаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 1280; земли 33 д.; дома церковные.

Просфорическія мѣста.

При церквахъ селъ: Соколова, Куровщины и Павловки, Кирсановскаго уѣзда; Протасова, Богословки—Новикова, Троицкой Дубравы, Ивановки, Чернавки, и Алексѣевки, Тамбовскаго у.; Пролома, Поминайки, Верхней Отормы и Крутца, Моршан. уѣзда; Хрущева, Лебедян. уѣзда; Троицкой церг. Темняикова; Пашатова и Ишеекъ, Темниковскаго уѣзда; Христофоровки и Остролучья, Козловскаго уѣзда; Частой Дубравы, Липецкаго уѣзда; Краснаго Лога, Нижняго Чуева, Кулешовки и Александровки, Борисоглѣбскаго уѣзда и Нижней Матренки, Усманскаго уѣзда.

Содержаніе. Отдѣлъ оффиціальный. I. Высочайшія награды. II. Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои Св. Синодомъ удостоены награжденія по духовному вѣдомству. III. Епархіальные распоряженія. IV. Пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа. VI. Списокъ свободнымъ священно-церковно-служительскимъ мѣстамъ.

Редакторъ, Секретарь Консист., *Александръ Андріевскій.*

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій.*

Его Преосвященство, Преосвященнѣй-
шій Наѳанаилъ, Епископъ Козловскій, ви-
карій Тамбовской епархіи съ сего 16 мая
мѣстопробываніе свое будетъ имѣть въ Коз-
ловскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ (въ
г. Козловѣ).

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

С Л О В О

въ день рожденія Государя Императора—6-е мая.

Христось Воскресе!

Думается, братіе, что современное общественное настроеніе откликнется на эту радостную вѣсть голосомъ тоже звучащимъ радостью и надеждой, голосомъ полнымъ свѣтлыхъ упованій на лучшее будущее. Ибо тотъ идеализмъ жизни, надежда полного ея обновленія и свѣтлаго развитія, которыя въ Христіанскомъ сознаніи вѣрующихъ опираются прочно только на радостной вѣсти о воскресеніи Христовомъ, теперь въ нашей общественной, государственной жизни тоже снова ожили, снова забились учащеннымъ темпомъ, когда вызваны къ творчеству общественной жизни народныя силы и уже начали эту работу. Итакъ, и наше чисто христіанское сознаніе, наши чисто религіозныя упованія, и теле-

решнее чисто общественное, государственное сознание и настроение, хотя м. б. и въ разныхъ нѣскольکو смыслахъ и пониманіяхъ, могутъ одинаково сливаться теперь въ одинъ общій голосъ свѣтлыхъ надеждъ на грядущее обновленіе жизни.

Правда, наличная общественная жизнь всѣмъ разнообразіемъ своихъ явленій достаточно опредѣленно говорить, что весь ея интересъ вращается теперь не въ области религіозно-нравственныхъ упований и не въ приложеніи чисто духовныхъ силъ къ обновленію жизни, а въ области чисто политическихъ и социальныхъ реформъ. Религіозное чувство народа какъ бы отошло на второй планъ подъ напоромъ другихъ болѣе сильныхъ чувствъ, и если дѣлается теперь и чисто церковное, религіозное дѣло, то вниманіе къ нему слишкомъ слабо и частично. Невольно приходится думать, невольнo приходится какъ бы опасаться, чтобы это одностороннее направленіе общественной жизни и мысли, поддерживаемое и питаемое милліонами дешевыхъ изданій, предлагающихъ легкое и часто скороспѣлое разрѣшеніе самыхъ сложныхъ общественно-социальныхъ вопросовъ, чтобы все это не заполнило пробуждающееся русское сознание одностороннимъ матеріаломъ и не отвлекло его совсѣмъ отъ другаго, болѣе м. б. важнаго, отъ того именно, чѣмъ жить всегда и живетъ пока русскій народъ.

Мы разумѣемъ, конечно, идеалы жизни чисто нравственные, начала религіозныя христіанскія, которыми жилъ исторически нашъ русскій православный народъ, которыми онъ своеобразно окрашивалъ всю свою общественно-государственную жизнь и являлъ собой какую то своеобразную форму государственной жизни, какое то церковное государство.

Мы не будемъ говорить объ этомъ подробно; кто знаетъ исторію нашу и кто захочетъ безпристрастно отнестись къ ней, тотъ ясно увидитъ, что въ каждомъ вздохѣ могучей русской народной груди слышались сильнѣе другихъ тоны и звуки религіозныя, исканіе правды божіей и ея воплощенія въ жизни. И хотя

сѣрь былъ и не культуренъ нашъ русскій народъ, но жила въ немъ какая то особая могучая творческая сила, которая умѣла и ширить и укрѣплять русь. Намъ нужно подумать и поучиться изъ исторіи, въ чемъ была эта творческая сила, которая пужна такъ теперь въ критическій моментъ нашей государственной жизни и которую тщетно конечно искать на путяхъ крови и огня, на силія и безчинства, а нужно искать только на путяхъ святыхъ Христовыхъ идеаловъ правды и любви и личнаго обновленія, которые шли когда то свѣточемъ впереди русскаго народа и указывали ему вѣрный путь жизни, а теперь куда то скрылись или замѣнены грубой поддѣлкой изъ источника мудрости человѣческой.

Не это-ли именно чисто религіозно-церковное чаяніе преимущественно нравственнаго начала общественной жизни и выразилъ благочестивый нашъ Государь, когда въ рѣчи своей на открытіе Думы сказалъ: „да знаменается день сей отнынѣ днемъ обновленія *нравственнаго облика* земли русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ“.

Въ нравственномъ именно обновленіи, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлой души народной и кроется живая творческая сила обновленія всей жизни, такъ знакомая русской душѣ, исторически святой и христовосной. Вѣдь нормальная, цѣльная жизнь отдѣльной личности требуетъ гармоніи, единства и участія въ жизни всѣхъ ея силъ, духовныхъ моральныхъ и физическихъ вѣшнихъ. Какъ же можно думать, что цѣлая организациа людей въ союзѣ государственномъ, цѣлая какъ бы собирательная личность народа, можетъ жить здорово только одной стороною, только вѣшней политической жизнью, оставляя въ сторонѣ тѣ глубочайшіе запросы духа, которые извѣстны подъ именемъ религіозныхъ.

И какъ бы ни смотрѣли мы на церковь, этотъ особый отъ государственнаго характера чисто нравственный союзъ, онъ то именно и способенъ только привести все многообразіе проявленій жизни человѣческой къ единству и полнотѣ. Вѣдь только Цер-

ковъ и Христіанство, проникая своими нравственными началами и входя въ языческой государственной строй жизни, уяснили, что человѣческая личность не раба государства и послѣднее не имѣетъ надъ ней безграничной власти. Христіанство только сказало, что государство, признаваемое даже лучшими умами древности самоцѣлью, должно не подавлять личность человѣческую, а служить ей, ея благу и развитію. И это именно христіанское пониманіе цѣнности человѣческой личности самой по себѣ вошло потомъ въ государственное сознаніе и выразилось въ дарованіи разныхъ правъ личности, чѣмъ гордится теперь всякій культурный народъ.

И мы не правы будемъ и преступны, если намѣренно будемъ теперь закрывать глаза на тотъ источникъ, изъ котораго потекли для всего человѣчества обновляющія начала жизни, т. е. если будемъ забывать Христа и св. Церковь.

Вотъ почему еще одинъ изъ нашихъ выдающихся мыслителей—Достоевскій,—самъ пережившій разныя формы своего общественнаго сознанія и пониманія жизни, рѣшительно говорилъ: „что гуманность, отрицающая Бога, приводитъ къ безчеловѣчю, цивилизація безъ просвѣщенія Христова приводитъ къ одичанію, прогрессъ безъ Христа приводитъ къ регрессу, свобода безъ духа Вожія приводитъ къ деспотизму и тираниі, и что безъ личнаго самоусовершенствованія въ духѣ христіанской любви по возможно разрѣшеніе никакихъ соціальныхъ и гражданскихъ вопросовъ“.

Думается, что мы можемъ признать правду этихъ словъ по самымъ наблюденіямъ нашей жизни, которыя особенно побуждаютъ сказать словами Апостола: „аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звѣнща или кимваль звяцаий... и аще предамъ тѣло мое во еже соещи е, любви же не имамъ, никакая польза ми есть“ . (Ік. 13, 1—3).

Ректоръ Семинаріи, Архiep. *Теодоръ*.

Современная моральная безпринципность въ приложеніи къ вопросу о характерѣ хриси- анской жизни.

(О к о н ч а н і е).

Но, можетъ быть, наше Христіанство церковное дѣйстви-
тельно грѣшитъ тѣмъ, въ чемъ его обвиняютъ? Можетъ быть, оно
дѣйствительно испорчено монахами и дѣйствительно не пригодно
къ жизни въ силу своего аскетическаго характера и того якобы
крайняго раздвоенія, которое имъ вносится въ жизнь человѣка?
Можетъ быть, культъ плоти и плотской жизни можно объединить
съ Христіанствомъ, не съ тѣмъ выдуманнымъ, которое проповѣ-
дуютъ защитники язычества, а съ Христіанствомъ Христа и Еван-
гелія? Можетъ быть, и самый аскетизмъ-то дѣйствительно лишній
придатокъ къ Христіанству и путь жизни Христіанской, можетъ
быть, совершенно иной?

Не намъ конечно отъ себя отвѣчать на эти вопросы: на это
уже достаточно ясно отвѣчаетъ и само Христіанство, какъ оно
дано намъ въ Слово Христа и ученія Церкви, и еще тѣ многочислен-
ные сонмы свидѣтелей истины, для которыхъ Христіанство яви-
лось не мертвымъ капиталомъ, не любопытной только теоріей, а
единой истинной жизнію, давшей человѣку удовлетвореніе всѣмъ
вышимъ запросамъ его духа и приведшей его къ истинному бы-
тію и жизни. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ всѣхъ представите-
лей истинно христіанскаго нравственнаго совершенства. Въ жизни
этихъ представителей христіанскаго совершенства мы и видимъ,
что переводъ идеала нравственнаго совершенства въ жизнь всегда
въ дѣйствительности сопровождался усиленнымъ ограниченіемъ тѣхъ
именно сторонъ и явленій жизни, которыя относятся по преимуще-
ству къ области физическаго бытія.

Надъ этимъ слѣдовало бы особенно подумать, какъ явленіемъ историческимъ, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ путемъ изученія и знакомства съ христіанскимъ церковнымъ ученіемъ узнать, въ чемъ Церковь полагаетъ идеаль нравственнаго совершенства и смыслъ всей жизни человѣка, слѣдовало-бы узнать, въ чемъ полагается сущность и смыслъ самаго Христіанства, и уже съ точки зрѣнія церковнаго-же Христіанства отрицать аскетизмъ, какъ излишній. На самомъ же дѣлѣ обновители Христіанства полагаютъ лишнимъ считаться съ подлиннымъ взглядомъ Христіанства на человѣка, его природу, смыслъ его жизни и, создавая свой идеаль жизни, по нему судятъ о Христіанствѣ, желая его привлечь какъ бы въ качествѣ наиболѣе подходящаго жизненнаго фактора къ осуществленію своего идеала. Только этимъ исключительно богословскимъ невѣжествомъ и можно объяснить тотъ, взводимый ими на историческое Христіанство, поклепъ, что оно вноситъ гибельное для человѣка раздвоеніе между плотію и духомъ. Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ внести во внутреннюю жизнь человѣка, жизнь цѣльную, объединенную, внести въ его личность раздвоеніе откуда-то совнѣ и насильно, если только сама эта личность человѣка и единство его двухсторонней нормальной жизни не будетъ нарушено и поколеблено какой нибудь порчей и искаженіемъ внутри этой же жизни личности, не поколеблена будетъ, такъ сказать, норма ея бытія и законъ? Это-то вотъ и утверждаетъ Христіанство своимъ ученіемъ о грѣхѣ, считаться съ которыми не хотятъ декадентствующіе богословы.

Вопросъ о грѣхѣ ими совершенно обойденъ и самаго понятія о немъ у нихъ нѣтъ. Вотъ почему, на примѣръ, у того-же Мережковского, который обвиняетъ Христіанство въ раздвоеніи плоти и духа, отъ котораго погибъ и языческій міръ, нѣтъ вѣдь объясненія, откуда-же это раздвоеніе у язычниковъ и почему они жили только утвержденіемъ плоти. Вотъ почему у того-же Мережковского нѣтъ опять объясненія этой раздвоенности плоти и духа

у тѣхъ героевъ Достоевскаго, которые, по его мнѣнію, являются наглядными типами этой раздвоенности и отъ нея гибнутъ. А Христіанство и говорить, что эта гибельная раздвоенность и разладъ въ природѣ человѣка не совнѣ навязаны ему, а живутъ въ немъ, какъ слѣдствіе грѣха. Достаточно-бы, кажется, прочитатъ хотя 7 и 8 главы посланія Апостола Павла къ Римлянамъ, гдѣ очень характерно изображается психологія и внутреннее состояніе человѣка, подавленнаго грѣхомъ, чтобы видѣть, гдѣ причина раздвоенія, противорѣчія плоти и духа: въ Христіанствѣ или въ самомъ человѣкѣ. Христіанство говоритъ объ этой раздвоенности, но не утверждаетъ ее, какъ должную, напротивъ Христіанство ее отрицаетъ, какъ порчу и болѣзнь, а утверждаетъ въ качествѣ идеала жизни, такое единство жизни, чтобы плоть и духъ составили гармонію и пришли въ согласіе, но не на правахъ, такъ сказать, равноправности, а по принципу подчиненія плоти духу, чтобы плоть, послушная велѣніямъ духа, была только орудіемъ его дѣятельности и, получая необходимое для себя, не отвлекала духъ отъ идеала его жизни. Язычникамъ вѣдь и нечѣмъ было жить иначе, какъ только утвержденіемъ плоти, такъ какъ законъ жизни по духу былъ утерянъ человѣкомъ чрезъ грѣхъ и человѣкъ былъ безсиленъ самъ возвратить его; такъ и оставалось жить только плотью. Конечно, чтобы понять эту тайну нарушенія единства жизни и рабство человѣка плоти, нужно намъ проникнуть въ самую психологію грѣха и понять, что-же собственно произошло чрезъ грѣхъ въ психикѣ и строѣ внутренней жизни человѣка чрезъ грѣхъ. Въ данномъ случаѣ мы не будемъ пускаться въ глубь этой психологіи падшаго человѣка: для насъ неоспоримо по крайней мѣрѣ и вполне понятно, что Христіанство въ отношеніи къ человѣку и имѣетъ своей задачей снова поставить природу человѣка въ ту гармонію, которая давала-бы ему возможность жить въ единствѣ двухъсоставнаго своего существа, объединить плоть и духъ въ жизни человѣка, но не въ ихъ крайнихъ глубинахъ,

какъ хотять декаденты, а по принципу подчиненія плоти духу, выражающему норму жизни человѣка.

Намъ могутъ сказать, пожалуй: хорошо, пусть норма жизни человѣческой по Христіанству есть жизнь на началахъ духа по преимуществу съ подчиненіемъ духу плоти, но вѣдь ужъ конечно, если кто и явилъ намъ идеаль этой жизни, то самъ Основатель Христіанства, Иисусъ Христосъ. Гдѣ же у Него тотъ суровый аскетизмъ, то отрицаніе плоти и радости жизни, какое видимъ теперь въ христіанствѣ? Не явилъ ли Онъ Себя сразу, когда выступилъ на общественное служеніе, какъ бы покровителемъ радости жизни, семейнаго веселія, именно Своимъ присутствіемъ на бракѣ въ Канѣ, и потомъ являлъ-ли Онъ въ Своей жизни хотя нѣчто изъ того, что монахами возведено какъ бы въ догму жизни и на степень безусловной истины и обязательности для христіанина?

Мы не будемъ фактами же священной исторіи доказывать противоположное этому, указывать на примѣръ, что и Христосъ постился 40 дней, и молился уединенно и часто, что Онъ однако при любви къ дѣтямъ и покровительствѣ семейной жизни остался Самъ одинокимъ. Намъ думается проще и полезнѣе для дѣла въ данномъ случаѣ сказать, что на личность Христа и Его жизнь съ ея фактической стороны нельзя указывать въ качествѣ примѣра, показывающаго, что жизнь Христіанина должна быть чужда аскетическаго характера.

Забываютъ въ данномъ случаѣ одно и очень важное, именно, что жизнь Христіанина есть жизнь человѣка спасающагося, борющагося съ грѣхомъ, человѣка, который отъ рабства и болѣзни грѣховной при помощи христіанства восходитъ къ свободѣ нравственнаго совершенства. А жизнь Христа есть жизнь святой уже личности, и личности не просто человѣческой, а богочеловѣческой; вотъ почему эта жизнь такъ особенна и исключительна. Нужно имѣть въ виду, что когда приходится говорить о христіанствѣ, какъ оно существуетъ исторически въ жизни людей, то нужно

понимать это Христіанство не въ отрѣшеніи отъ людей, какъ нѣчто отвлеченное и существующее само по себѣ, нужно его разсматривать не въ идеалѣ только, а понимать его въ приложеніи къ человѣку, какъ именно цѣлый процессъ жизни, характеризующійся борьбой человѣка со грѣхомъ во имя того идеала жизни, который указанъ Христомъ.

Теперь и умѣстно будетъ спросить, какимъ же долженъ быть этотъ процессъ Христіанской жизни, процессъ борьбы со грѣхомъ на своемъ пути къ тому идеалу, какой указанъ Христомъ? По внутренней своей сущности этотъ процессъ есть попытка человѣка уничтожить въ себѣ внутреннее раздвоеніе личности, вражду плоти и духа и привести ихъ въ гармонію жизни на началахъ духа по-преимуществу. Въ какомъ же видѣ онъ можетъ проявляться, и каковъ характеръ этого процесса?

Не мы утверждаемъ, а все Христіанство и тѣ, которые уподобились Христу, говорятъ, что аскетизмъ или подвижничество неизбѣжны. Не нужно забывать, что подвижничество или аскетизмъ есть принадлежность не Христіанства только. Подвижничество, какъ принадлежность главнымъ образомъ религіозной жизни народовъ, исторически давно извѣстный фактъ и имѣетъ свою исторію еще до Христіанства. И подвижничество это всегда являлось, какъ жизнь главнымъ образомъ на началахъ духа. Таково подвижничество буддистовъ, древнихъ стоиковъ, сократиковъ, пифагорейцевъ, еврейскихъ назореевъ и пр. Вездѣ въ данномъ случаѣ замѣчаемъ предпочтеніе интересовъ духа предъ потребностями физическими и отрицаніе послѣднихъ во имя первыхъ.

Фактъ знаменательный. Если подвижничество въ исторіи являлось выраженіемъ религіозныхъ запросовъ духа человѣческаго, то нужно думать, что оно имѣетъ какія нибудь глубокія внутреннія основанія въ природѣ всего человѣка, подобно тому, какъ самая религія коренится въ природѣ духа человѣка. Вотъ почему, когда явилось Христіанство и поставило идеаломъ жизни Богоподобную,

по преимуществу проникнутую духовнымъ началомъ, сразу же появилось и подвижничество, хотя-бы въ формѣ усиленной молитвы, раздачи имущества и проч.

И замѣчательно еще то, что при всемъ различіи Христіанства отъ язычества, подвижничество въ Христіанствѣ приняло тѣ же почти внѣшнія формы, что и въ язычествѣ. Явленіе очень соблазнительное для многихъ, но на самомъ дѣлѣ, думается, только служащее новымъ подтвержденіемъ той мысли, что есть глубокія основанія въ цѣльной природѣ человѣка для подвижничества, что причина его одна, а потому одинаковы и проявленія. Очевидно отношенія между интересами духа и плоти таковы теперь у человѣка, что во имя первыхъ необходимо подавлять послѣднія. Христіанство и объясняетъ эту необходимость ученіемъ о грѣхѣ и о разстроенномъ состояніи природы человѣка, уклонившейся отъ нормы своего бытія. Не потому необходимымъ явилось подвижничество, какъ совокупность извѣстнаго рода ограниченій и стѣсненій для достиженія нравственнаго совершенства, что этого требуетъ Христіанство. Нѣтъ, Христіанство требуетъ отъ человѣка только положительнаго нравственнаго развитія, но только самъ-то человѣкъ грѣшный оказывается совершенно неспособнымъ прямо жить такъ, какъ требуетъ того Христіанскій идеалъ, и принужденъ прибѣгать къ разнаго рода мѣрамъ для подавленія въ себѣ нажитого грѣховнаго содержанія жизни, „съ потомъ лица вѣтъ хлѣбъ небесный“ какъ выражаются аскеты. Это тоже, что дѣлаемъ мы, когда въ цѣляхъ перевоспитанія злой и порочной воли подвергаемъ дѣтей и разнаго рода преступниковъ извѣстнаго рода стѣснительному режиму и ограниченію. Вѣдь это ограниченіе и режимъ является только вынужденнымъ средствомъ, и если можно обойтись безъ этого средства, то конечно лучше обходиться безъ него. Вѣдь если такая, напримѣръ, дурная привычка, какъ куреніе табаку или пьянство, въ случаѣ желанія отетать отъ нихъ, требуютъ прямо таки борьбы съ собой, нѣкоторыхъ внѣшнихъ

даже стѣсненій; то что-же сказать о томъ грѣховномъ настроеніи жизни человѣка, которое вѣлосъ въ его духовно-тѣлесный организмъ какъ ржавчина, проникло собой всю его жизнь и всѣ силы его существа? Для этого нужна конечно, усиленная борьба, усиленные и энергичныя мѣры стѣсненія, чтобы воля, привыкшая ходить въ грѣхѣ, по мудрованію плотскому, какъ выражается св. Апостолъ (Рим. 3, 6), воля, превратившая всю жизнь человѣка въ сплошной празднакъ плоти, въ цѣльный культъ ея, могла снова проникнуться чистыми, святыми, духовными настроеніями и ихъ поставить во главу жизни, отдавая плоти только необходимое. Человѣку здѣсь, по мѣткому выраженію св. отцовъ, нужно бываетъ сдѣлать то-же почти самое, что нужно бываетъ сдѣлать змѣѣ, когда она желаетъ стащить съ себя свою старую шкуру. Обычно въ этихъ случаяхъ змѣя заползаетъ въ колючія сучья, которыя, цѣпляясь за ея шкуру, и стаскиваютъ ее со змѣи. Нѣчто подобное нужно бываетъ сдѣлать и человѣку, если онъ желаетъ стащить грѣховное свое тѣло, т. е. всю совокупность своихъ грѣховныхъ духовно-плотскихъ настроеній и обновиться. Человѣкъ потому долженъ сокращать свое тѣло, что грѣховная его жизнь и выражается особеннымъ служеніемъ именно тѣлу, которому чрезъ грѣхопаденіе было дано предпочтеніе предъ духовными потребностями; теперь же, когда Христіанство ставитъ идеаломъ жизни, преимущественное служеніе духовнымъ запросамъ, и необходимо бываетъ вѣячески сокращать служеніе плоти, чтобы дать возможность духу занять подобающее ему мѣсто въ строѣ человѣческой жизни. Итакъ, если признавать въ человѣкѣ грѣховность въ томъ именно смыслѣ, какъ понимаетъ ее Христіанство, если признавать идеаль Христіанской жизни и его взглядъ на сущность человѣка за высшую правду жизни, то съ аскетизмомъ, какъ явленіемъ историческимъ, мы должны неизбежно помириться. Тотъ, кто незаконно восхитилъ не принадлежащія ему права и тотъ, у кого они похищены, какъ у законнаго властелина, не могутъ жить мирно между собой. Пер-

вый можетъ быть всё усилія употребить, чтобы доказать свои права и воспользоваться ими, но рано или поздно окажется несостоятельнымъ. Тоже и въ цѣльной жизни человѣка и въ его личности: плоть его, захватившая чрезъ грѣхъ права духа на господство надъ человѣкомъ, слишкомъ нервно, такъ сказать, съ какой то болѣзненной поспѣшностью и интенсивностью влекла его по своему пути, но всегда человѣкъ чувствовалъ правду своей жизни не тутъ, а въ духовныхъ интересахъ, всегда возставалъ и боролся противъ плоти во имя духа, а ко времени Христа и окончательно созналъ, что жить такъ, какъ живутъ, не стоитъ; человѣкъ почувствовалъ себя банкротомъ своей плотской жизни.

Это—то сознаніе и важно и плодотворно; имъ Христіанство и пользуется, какъ исходнымъ началомъ для новаго пути жизни, на началахъ духа по преимуществу. Но ни Христіанство, ни подвижничество не отрицаютъ ни тѣла, ни его потребностей, а только тотъ характеръ ихъ, который они приняли у человѣка падшаго, т. е. характеръ ихъ вражды, дисгармоніи и господства надъ духомъ, тогда какъ должно быть наоборотъ. Это вѣдь ужъ состояніе чисто болѣзненное, и если Христіанство имѣетъ въ виду оздоровить человѣка и излѣчить, то и естественными являются всё тѣ мѣры, которыя составляютъ какъ бы медицинскую діету. Отсюда-то аскетизмъ или подвижничество, какъ извѣстнаго рода борьба и усиліе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ въ силу именно особеннаго, разстроеннаго состоянія природы человѣка является неизбѣжнымъ элементомъ, необходимой принадлежностью Христіанской нравственной жизни. Но самое подвижничество не есть совершенство, а только тотъ путь, по которому приходится идти человѣку къ духовному совершенству. Въ этомъ вотъ и нужно искать оправданій подвижничества. И если ужъ осуждать кого либо за это отрицательное отношеніе аскетизма къ плотской сторонѣ жизни человѣка, то не Христіанство за его, будто бы, исключительный моральный ха-

рактерь, не представителей Христіанскаго подвижничества, а только лишь нашу собственную больную природу, которая нуждается въ весьма строгой дисциплинѣ прежде, чѣмъ человекъ въ цѣломъ своемъ составѣ духовно-чувственнаго бытія будетъ дѣйствительнымъ носителемъ на землѣ началъ богоподобной жизни.

Вѣдь если само Христіанство указываетъ, какъ на нѣчто законное и естественное, что никто никогда плоть свою не навидитъ, а питаетъ и грѣетъ ее, то значить есть что-то особенное въ природѣ человека, что заставляетъ ревнителей Христіанскаго совершенства идти какъ бы вопреки голосу природы и ограничивать себя въ питаніи и согрѣваніи ея. Вѣроятно, если бы можно было, то и эти ревнители Христіанскаго совершенства не отказались иногда, такъ сказать, дѣлать антракты, выходить изъ подъ закона Христова духа, поразвлечься и отдохнуть на распутияхъ жизни, а потомъ снова обращаться къ закону Христову. Такого кажется Христіанства, съ антрактами, и хочется декаденствующимъ богословамъ; но это такъ же немислимо, какъ соединить воду съ огнемъ. Тутъ ужъ надо ставить крестъ надъ движеніемъ впередъ, по пути нравственнаго совершенства, и жизнь должна принять тѣ-же неопредѣленныя очертанія, какими насъ угощаетъ современное искусство.

Но спросать: неужели всѣмъ быть монахами, да не почетвѣ ли человекъ бороться со зломъ и грѣхомъ тамъ, гдѣ онъ особенно силенъ: именно въ жизни, на людяхъ и въ міру, а не бѣжать для этого въ пустыню? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить такъ: очевидно, спрашивающій отождествляетъ аскетизмъ и монашество, двѣ совершенно не тождественныя вещи и очевидно онъ еще не понимаетъ вполне смысла Христіанской жизни. Чтобы выяснитъ это недоумѣніе, нужно бы предложить специальное изслѣдованіе объ аскетизмѣ съ подробнымъ выясненіемъ, какъ причинныхъ основъ бытія подвижничества, такъ и тѣхъ элементовъ и явленій внутренней и внѣшней жизни, изъ которыхъ

слагается подвижничество въ цѣломъ своемъ видѣ. Въ данномъ же случаѣ и, какъ бы, въ заключеніе настоящей краткой статьи, намъ хочется указать на довольно отрадное явленіе въ области декадентствующаго богословія, именно по вопросу о подвижничествѣ и монашествѣ. Важно то именно, что одинъ изъ столповъ этого богословія, какъ бы, поколебался въ своихъ взглядахъ на монашество и аскетизмъ послѣ того, какъ узналъ его не по книжнымъ выдумкамъ и своимъ предположеніямъ, а на самомъ дѣлѣ, въ жизни, и именно въ лучшемъ разсадникѣ и питомникѣ монашеской жизни, въ Саровѣ. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ фельетонѣ „Новаго Времени“ № 10252-й о своихъ настроеніяхъ во время пребыванія въ Саровѣ: „Снова я принужденъ былъ почувствовать, до чего въ монашествѣ, и при томъ въ немъ единственно, Христіанство получило себѣ крылья, поэзію, полетъ, свободу и философію. И какъ оно просто „не принялось“, осталось „втуне“ всюду, гдѣ кончается стѣна монастыря. Поразительное явленіе. Извѣстно, что съ принесеніемъ Евангелія прекратились пророки. „Гдѣ пророки, гдѣ пророчество? „Таинственно можно указать вопрошающимъ, что пророчество, только глубоко измѣнивъ колоритъ, перемѣнивъ бѣлый цвѣтъ на черный (монашество — „черное“ духовенство), не угасло безслѣдно, а вотъ выявилось съ другой и неожиданной стороны — въ монашествѣ. „Кто пророкъ новаго завѣта“ — на вопросъ этотъ и можно отвѣтить: „вотъ — Серафимъ, вотъ — Амвросій, вотъ — старица Марія“. — Но они не гремятъ, не обличаютъ, не угрожаютъ“. Но это уже совсѣмъ другой вопросъ; они воодушевлены, какъ и древніе пророки (по — еврейски пророкъ, „наби“ значить „вдохновенный“, „одушевленный“) — по самый предметъ, тема ихъ одушевленія дѣйствительно совершенно другая, до извѣстной степени противоположная ветхозавѣтной. „Вотъ мой гробъ: въ него, вмѣсто поетели, ложусь я на ночь, это и есть молчаливыя пись-

мена мои, которыхъ я не пишу, такъ какъ смерть потребляетъ всякія письма“.

Мнѣ хочется еще указать нѣкоторыя соотношенія, вообще не приходившія, или немногимъ приходившія на умъ. Длинная скорбь, въ самой вершинѣ заключающаяся неземной радостью— вотъ Христіанство. Черный цвѣтъ въ самой его маковкѣ вдругъ переходитъ въ бѣлый. Христіанство опредѣленнымъ образомъ и неоспоримо учитъ, что вся жизнь есть грѣхъ, анти-божественное, грѣхъ и смерть: а вотъ послѣ смерти—бѣлое сіяніе, вѣчная жизнь, зрѣніе Бога... Монастырь съ свѣтлой въ немъ живописью, жизнерадостной—только одинъ изъ параллельныхъ лучей, идущихъ въ этомъ направленіи. Но вотъ и еще: все монашество—въ черныхъ мантияхъ и клобукахъ (ночь) безъ единой въ одеждѣ бѣлой, или сѣрой, или цвѣтной полосы, но тотъ, въ комъ вѣнчается монашество и завершается вся сплошь черная іерархія Церкви, надѣваетъ на голову чистый бѣлый клобукъ, при остальныхъ одеждахъ еще черныхъ (одѣяніе митрополита). Какимъ инстинктомъ произошло это устройство одеждъ? Преднамеренной мысли тутъ никто не вкладывалъ. А вышло такъ, что мысль ясно прочиталась даже въ одеждахъ. Идетъ клинокъ, но онъ имѣетъ лезвіе. Весь клинокъ Христіанства черный, но лезвіе бѣлое. И такъ повеюду отъ живописи до одеждъ, отъ дѣленія духовенства на черное и бѣлое, до дневныхъ и ночныхъ службъ, до раздѣленія всего времени христіанскаго на черные посты, увѣнчиваемые торжествомъ Пасхи, Рождества, Успенія. Это не догмать. Гдѣ такой догмать? Но это гораздо болѣе догмата, ибо пронизываетъ всю ткань Христіанства, отъ основанія до вершины и составляетъ самую душу его...

Споряціе противъ монашества никакъ не хотятъ понять, что они въ тоже время спорятъ и противъ Христіанства, объективнѣе—прямо противъ Христа. Если „торжество Христіанства“ сливается съ прехожденіемъ лица міра, то пока онъ

всетаки стоитъ, этотъ несносный міръ, и мы привязаны къ нему, мы всё въ правѣ говорить: міръ еще не прешель и мы язычники“. Монастырю въ свою очередь на это нечего отвѣтить: сжавъ губы, негодуяюще, презрительно онъ скажетъ: „пройдетъ, испепелится“. Трудно постигнуть, кто выживетъ и одолѣетъ — въ судьбахъ исторіи и міра — ликъ-ли Христовъ съ его испепеляющею красотою, покоряющею всякое сердце, покорившею языческой міръ, или — столпъ земли съ его тяготами, съ механикой и геометрией, теоремы которой никакъ тоже не „испепеляются“.

Намъ думается, что у Розанова не было-бы сомнѣнія въ томъ, кто побѣдитъ, если бы онъ съ живою вѣрою припималъ слова Христа: „дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ“.

Архимандритъ Теодоръ.

Б О Й К О Т Ъ,

Р а з с к а з ь.

(О к о н ч а н і е).

П.

Дѣло было передъ самой масляницей. Только дня три пришлось заниматься въ школѣ. На масляницу матушка и Елизавета Ивановна отправились въ гости къ священнику кондыревскому о. Николаю.

— А вы знаете, матушка, что мнѣ сказала при прощаніи Клавдія Петровна, прежняя учительница?

— Какъ же я могу знать?... Ну что же именно?... Что—нибудь неприятное?

— А ужъ это судите сами... Сказала, что мѣсто это будетъ бойкотировано...

— Т. е. какъ же это такъ?

— А ужъ право не знаю... Я се и не спрашивалъ... Я вѣдь съ ними не близько былъ, не вхожъ, какъ говорятъ наши мужики... Надо полагать, это значитъ, что на это мѣсто никто не долженъ подавать прошеніе. Начальство побѣется—побѣется и возвратитъ—де Клавдію Петровну на это мѣсто...

— Ну, а мы вотъ подали... Мы даже и не задавались этими вопросами... Что теперь будетъ?... Вомбу подбросятъ?...

— Ну, это едва ли... А бойкотъ объявятъ Елизаветѣ Ивановнѣ.

— Но это нечестно!—негодовала матушка.—Мы—то тутъ при чемъ? Кому не нравятся распоряженія Начальства, тотъ пойдитъ и открыто скажи... инспектору, или тамъ предводителю что-ли, что вы—де неправильно уволили Клавдію Петровну... А то прячутся за наши спины и хотятъ чужими руками жаръ загребать... трусы!... Сами спокойно сидятъ и получаютъ жалованье, а другимъ, чтобы получать жалованье—сейчасъ бойкотъ...

Помолчавъ, матушка заговорила:

— Ну, мы уйдемъ... Поступить другая, третья. Что же дальше? Неужели, правда, инспекторъ возвратитъ тогда Клавдію Петровну?... О мужъ я не говорю. Возвращеніе его зависитъ не отъ инспектора...

— Я думаю, что нѣтъ, не возвратитъ,—согласился о. Николай.—Да что вы такъ принимаете къ сердцу. Не обращайтесь ни на что вниманіе...

Поговорили о томъ о семъ... Прощаясь матушка пригласила о. Николая къ себѣ на именины мужа, каковыя приходились въ масляницкую пятницу. Тотъ обѣщалъ пріѣхать съ женой.

Дорогой кучеръ, кондыревскій мужичокъ, пустился было въ разсужденія съ матушкой:

— И за что это арестовали нашего Ликсандръ Иванча, и Клавдію Питровну уволили! Жалко. Хорошіе люди были. Кучить плохому насъ не учили, а только хорошему.

— Чему же они васъ учили?...

— Да Ликсандръ Иванчъ приговоръ намъ составилъ о томъ, чтобы намъ, значить, земли прибавили... Книжки разныя давали...

Но матушка остановила его:

— Книжки-то нынѣ такъ хитро пишутъ, что сразу-то и не разгадаешь, хорошая она, или плохая... И приговоръ приговору розъ. Что—нибудь было въ немъ неладное...

По прїѣздѣ домой, въ Балагурово, мать и дочь занялись разными приготовлениями къ именинамъ. А о. Иванъ наканунѣ разослалъ визитныя карточки знакомымъ съ напоминаніемъ о днѣ своихъ именинъ.

Наступилъ и этотъ день. Утромъ о. Иванъ отслужилъ молебенъ въ домѣ, къ которому пригласилъ дьякона и псаломщика; имъ предложенъ былъ пирогъ и чай. Вечеромъ стали ждать гостей. Пробыло 5 часовъ—никого нѣтъ. Шестъ—тоже никого.

— Что за оказія!—обратился о. Иванъ къ женѣ.—Ужъ не бойкотъ ли начинается...

— Ну вотъ... еще чего выдумаешь... Еще рано совѣтъ... Да кой—кто и не прїѣдутъ. У о. Порфирія scarлатина въ домѣ. О. Ѳедоръ уѣхалъ въ г. Проживальскъ къ роднымъ. Но вотъ, около семи часовъ, точно по сигналу, входятъ въ переднюю другъ за другомъ: священникъ—коллега о. Ивана, о. Николай съ женой, о. Илья съ женой, еще два священника, учитель и двѣ учительницы церковныхъ школъ, докторъ съ женой, фельдшеръ, акушерка, становой, студентъ-технологъ и другіе. Всего человѣкъ двадцать. Время до 12 часовъ прошло быстро и незамѣтно. Молодежь веселилась, какъ умѣла. Гости поселиднѣй, потепеннѣй горячо разсуждали о современныхъ событіяхъ. Батюшки совѣтовались, какъ лучше организовать помощь голодающимъ. Елизавету Ивановну всѣ поздравляли съ полученіемъ мѣста.

— На новоселье прїѣдемъ,—шутили гости,—обѣдъ роскошный готовьте.

О бойкотѣ мѣста почти и не говорили...

Учительница земской балагурской школы не было. Дѣвъ изъ нихъ еще раньше уѣхали въ г. Колоколецъ къ роднымъ, а третья учительница тоже зачѣмъ-то уѣхала въ городъ, по дѣламъ.

Утромъ, въ субботу, о. Иванъ съ женой и дочерью отправились на блины къ священнику—коллегѣ. Тамъ случайно оказалась въ гостяхъ одна учительница земской школы, прїѣхавшая верстъ за 30 отъ Балагурова. Она была дочь священника, когда-то служившаго въ округѣ о. Ивана. Когда видалась съ ней Елизавета Ивановна, о. Иванъ проговорилъ:—Теперь коллега ваша!.. кондыревская учительница...

— Кондыревская?.. Это мѣсто, кажется, подъ бойкотомъ?—не то вопросительно, не то утвердительно протянула учительница.

— А вы почему же знаете?—спросилъ ее о. Иванъ.—Развѣ письмо какое получили съ извѣщеніемъ?

— Нѣтъ не получала... Такъ слышала...

Учительница смѣшалась и не знала, что дальше говорить.

О. Иванъ, улыбаясь, спросилъ ее:

— Вы бы не поступили?

— Нѣтъ, я бы не подала прошенія...

— Но не забывайте, что у васъ и у Лизы шансы—то не равны: вы на мѣстѣ уже, а она—нѣтъ. Ну, а если-бы вы не имѣли еще мѣста?

— Вѣроятно, и тогда не подала бы...

— То-то и дѣло, что „вѣроятно“. Уголокъ для сомнѣнія все таки есть... Это было бы безцѣльно совѣмъ: Клавдію Петровну все равно не возвратили бы. Крестьяне уже подавали прошеніе объ этомъ въ Совѣтъ, и онъ отказалъ имъ. Ну, никто, положимъ, не подалъ бы прошенія... Что же? лучше, если дѣти останутся на полгода безъ обученія?

— Не лучше, конечно... Но что же дѣлать, когда пужда этого требуетъ...

— Я бы указалъ вамъ, что дѣлать. Подайте заявленіе, куда слѣдуетъ о неправильномъ-де увольненіи Клавдіи Петровны и ей подобныхъ. А если-де вы ее не возвратите, то мы, ниже-подписавшіеся, все выходимъ въ отставку. Вотъ честный путь борьбы. Иного не должно быть...

Въ понедѣльникъ рано утромъ Елизавета Ивановна уѣхала въ школу, забравъ съ собой ситнаго, капусты, постнаго масла, картофелю, пшена, лучку, лавроваго листика и пр. Тамъ ее ждалъ сюрпризъ. Пріѣхала наканунѣ вторая учительница Таисія Матв. Воздвиженская, кончившая курсъ жеп. гимназіи, дочь псаломщика. Она уже спяла было квартиру въ селѣ, но Елизавета Ив. предложила ей жить вмѣстѣ при училищѣ въ одной комнатѣ и кушанье готовить вмѣстѣ. Та съ удовольствіемъ согласилась.

Въ среду матушка балагуровская поѣхала въ школу провѣдать дочь. Взошла въ комнату въ то время, когда обѣ учительницы обѣдали, мирно бесѣдуя. Увидѣвъ мать, Елизавета Иван. сорвалась съ мѣста и побѣжала къ ней:

— Мама!.. Какъ это ты догадалась провѣдать насъ... Вотъ хорошо-то!

— Кого это „насъ“?

— А это другая учительница, Тая.

— Воздвиженская, — вставши, поклонилась та матушкѣ.

— А по отечеству?

— Таисія Матвѣева.

— Мама!.. А покушай-ка, какія я щи великолѣпныя сварила.

Съ этими словами она схватила ложку, зачерпнула щей и поднесла къ матери.

— Вѣрю, вѣрю...

— Да нѣтъ, ты покушай, мама!

— О, Господи, дай раздѣться.... Да, щи хорошія... для перваго опыта... Что же, вмѣстѣ будете жить?

— Да, вмѣстѣ лучше.

— А готовить обѣдъ по очереди будете?

— Я помогать буду,—замѣтила Таисія Матвѣевна.—А Лиза будетъ главной поварихой! Щи вѣдь, правда, хорошія.

Поговорили о школѣ, ученикахъ, о революціонныхъ книжкахъ, которыя мужики все приносятъ и просятъ передать Клавдіи Петровной, что съ ними дѣлать, собирать, или сжечь? Касались и бойкота. На матушку успокоительно повліялъ совершенно равнодушный и спокойный тонъ рѣчи, въ какомъ отзывалась Воздвиженская о бойкотѣ. Она не испытывала ни чувства опасенія, ни какого-либо другаго чувства, считая этотъ бойкотъ за что-то утопическое.

III.

Въ слѣдующее воскресенье, въ обѣдъ, Елизавета Ивановна пріѣхала домой въ Балагурово. Радостно и порывисто повидавшись съ отцомъ и матерією, она сразу сдѣлалась серьезной и, немного погодя, вынула письмо и, подавая его отцу, сказала:

— Вотъ письмо, папа...отъ какого-то протявнаго учительскаго союза... Двѣ ночи не спала... Такъ и думаешь, что вотъ въ окно выстрѣлятъ или бомбу бросятъ...

О. Иванъ прочелъ слѣдующее письмо:

„Учительскій союзъ извѣщаетъ учителей и учительницъ Колоколецкаго уѣзда о бойкотѣ слѣдующихъ мѣстъ: Бреховское одно мѣсто, Серпуховскихъ два, Кондыревскихъ два, Вознесенскихъ три и Разгильдяевское одно, словомъ учительскій союзъ проситъ бойкотировать все тѣ мѣста, съ которыхъ по произволу Училищнаго Совѣта устранены учащіе. Просимъ сообщить и всему остальному учительскому персоналу“.

Прочелъ о. Иванъ и задумался. Потомъ заговорилъ, обращаясь къ женѣ, какъ-то неувѣренно:

— Да!... Вотъ такъ задача! Если не подавать прошенія объ увольненіи, помимо такъ сказать нравственнаго бойкота, какую-нибудь каверзу устроятъ, въ родѣ выстрѣла. А подать прошеніе объ увольненіи—значить сдаться безъ боя, уступить... и кому же?... какимъ-то невѣдомымъ, не особо честнымъ людямъ. Обидно!

— Все-таки лучше ужъ уволиться Лизѣ... А то лука, правда сдѣлаютъ какую—нибудь неприятность...

— Жаль... жаль!—колебался о. Иванъ.—Развѣ погодить? Вѣдь „союз“ просить, а не угрожаетъ...

— Въ такомъ случаѣ вотъ что сдѣлай,—посоветовала матушка. Напиши инспектору обо всемъ, и спроси его, замѣщены ли всѣ перечисленные мѣста (въ письмѣ)?

— Да, это будетъ самое лучшее.

Письмо было написано. Но посылать его не пришлось, такъ какъ инспекторъ случайно пріѣхалъ въ с. Балагурово. О. Иванъ показалъ ему письмо и спросилъ: есть ли хоть одно мѣсто изъ перечисленныхъ въ письмѣ не замѣщенное? Инспекторъ отвѣтилъ, что всѣ мѣста давно замѣщены учительницами, и много еще жажущихъ мѣстъ. Если напр. ваша дочь уволится, то моментально будетъ опредѣлена другая на ея мѣсто...

— Да я не къ тому рѣчь веду,—прервалъ его о. Иванъ.—Дочь желаетъ заниматься, но боится. Вотъ ее и надо успокоить...

— Такъ вотъ я буду на дняхъ въ ея школь и скажу ей, чтобы она не беспокоилась... Бойкотъ!... Бойкотъ-то и мнѣ объявляли, и исправнику, и другимъ, а ничего изъ этого не вышло... Не обращайтесь и вы на него никакого вниманія...

Батюшка и матушка немощно пріободрились. Повеселѣла и Елизавета Ивановна, пріѣхавшая въ Балагурово къ отцу и матери въ слѣдующее воскресенье. Теперь она могла предаться со

всѣмъ пыломъ юности любимому дѣлу. Разливъ воды заставилъ ее просидѣть въ своей школѣ сподрядъ двѣ недѣли. Зато весной и она часто ѣздила къ отцу, и онъ съ семействомъ навѣщалъ ее. И къ Таисіи Матвѣевнѣ пріѣзжали отецъ и мать. Случалось, гости съѣзжались въ одинъ день и по нѣскольку часовъ мирно бесѣдовали между собой въ самомъ благодушномъ настроеніи.

На Пасху всѣ три земскихъ балагуровскихъ учительницы навѣщали Елизавету Ивановну въ домъ о. Ивана, бесѣдуя о своихъ школьныхъ интересахъ и давая ей, какъ болѣе опытная, соотвѣтственные совѣты. Иногда читали что—нибудь вмѣстѣ, или по долгу гуляли...

Новаго письма отъ „учительскаго союза“ уже не было. О бойкотѣ всѣ скоро и забыли...

Священникъ *Теодоръ Свѣтозаровъ.*

Павель Васильевичъ Соколовъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

16 марта текущаго года въ жизни Липецкаго духовнаго училища совершилось крупное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко печальное событіе: въ 1-мъ часу дня скоропостижно скончался отъ паралича сердца Преподаватель латинскаго языка Павель Васильевичъ Соколовъ, имѣя не болѣе 43 лѣтъ отъ роду.

Хотя покойный еще за недѣлю до смерти почувствовалъ себя вездоровымъ и тогда-же прекратилъ посѣщеніе уроковъ, тѣмъ не менѣе такой скорой кончины его никто не ожидалъ! Неожиданная смерть Павла Васильевича глубоко поразила всѣхъ, знавшихъ его, но особенно тяжело она отразилась на пастроеніи училищной семьи, съ которою тѣсно связывала покойнаго его продолжительная, шестнадцатилѣтняя служба, и въ средѣ которой онъ пользовался общимъ сочувствіемъ и расположеніемъ. При

извѣстїи о смерти Павла Васильевича, ученики начали скорбѣть и долго плакали: они искренно любили покойнаго за его добрыя, спусходительныя отношенїя къ нимъ! Не менѣе учениковъ огорчены были и сослуживцы: они теряли въ покойномъ добраго и честнаго товарища и потому выражали искреннее сожалѣнїе о его преждевременной кончинѣ.

Ученики немедля, по окончанїи уроковъ, организовали между собою подписку, для покупки вѣнка на гробъ любимому наставнику; одновременно съ ними куплець былъ вѣнокъ и училищною корпораціею. Въ тотъ-же день вечеромъ священникъ училищной церкви началъ служенїе панихидъ, которыя совершались потомъ почти непрерывно во все время, пока покойный лежалъ въ своей квартирѣ; на панихидахъ этихъ всегда присутствовали преподаватели и ученики съ своими воспитателями, а также и близкіе знакомые Павла Васильевича. И городскїе приходскїе священники, которые имѣли близкія отношенїя къ покойному, также почтили память его служенїемъ панихидъ.

Заботу объ устройствѣ похоронъ Павла Васильевича приняли на себя Смотритель училища А. А. Левкоевъ и экономъ, онъ-же и надзиратель училища, В. К. Романовскїй; они обставили этотъ печальный обрядъ не только прилично, но и вполне торжественно. Тѣло покойнаго было положено въ гробъ, обитый бѣлымъ серебрянымъ глазетомъ, и покрыто парчею изъ такого-же глазета; на бѣломъ фонѣ парчи красиво выдѣлялись зеленые металлическіе вѣнечки съ широкими атласными лентами, которыя испещрены были надписями: „*Доброму наставнику отъ признательныхъ учениковъ*“ и „*Дорогому товарищу отъ корпораціи училища*“. Ученики училищнаго хора, желая почтить память умершаго наставника хорошимъ пѣнїемъ, едѣлали наканунѣ похоронъ, которыя назначены были на 18 марта, въ субботу, продолжительную спѣвку, подъ управленїемъ В. К. Романовскаго. Для выноса тѣла изъ квартиры покойнаго и соверше-

нія заупокойнаго богослуженія г. смотрителемъ приглашены были—настоятель городского собора протоіерей А. М. Серебряковъ и священники городскихъ церквей: о. М. Платоновъ, о. С. Щеголевъ, о. П. Израильскій и о. А. Ждановъ; въ заупокойномъ богослуженіи принималъ участіе и священникъ училищной церкви о. В. Островскій. Небольшой училищный храмъ не могъ вмѣстить въ день похоронъ всѣхъ, пришедшихъ помолиться за упокой души Павла Васильевича и отдать ему послѣдній долгъ: кромѣ учениковъ, здѣсь находились всѣ члены училищной корпораціи, жены и дѣти преподавателей, близкіе знакомые покойнаго и многіе изъ посторонней публики. Изъ близкихъ родныхъ присутствовала только одна мать: отецъ Павла Васильевича, и самъ едва оправившійся отъ недавней и опасной болѣзни, такъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о неожиданной смерти сына, что снова слегъ въ постель и не могъ пріѣхать на его похороны! Нельзя было безъ глубокаго сожалѣнія смотрѣть на эту несчастную женщину, мать покойнаго! Она лишилась единственнаго и потому горячо любимаго сына и лишилась неожиданно!!! Горе ея трудно поддается описанію!

Предъ окончаніемъ литургіи, старшій преподаватель училища И. І. Нарциссовъ сказалъ, вмѣсто запричастнаго стиха, составленное имъ на день погребенія слово ¹⁾. Громкая, выразительная дикція проповѣдника, глубокопрочувствованный тонъ, проникнутой искреннимъ сожалѣніемъ къ преждевременной смерти почившаго товарища, весьма поучительный характеръ проповѣди,— все это, взятое вмѣстѣ, производило очень сильное впечатлѣніе и трогало до глубины души: очень многіе изъ слушателей плакали! Самъ проповѣдникъ по временамъ останавливался и не могъ говорить отъ волновавшихъ его тяжелыхъ чувствъ и выступавшихъ на глаза слезъ. Въ началѣ отпѣванія, къ присутствующимъ въ храмѣ обратился съ небольшою, но прочувство-

¹⁾ См. ниже 1-е.

ванною рѣчью о. протоіерей А. М. Серебряковъ ²⁾); картинно изобразивъ подъ образомъ травы и полевого цвѣтка непрочность и недолговѣчность человѣческой жизни, почтенный ораторъ выразилъ въ своей рѣчи глубокую скорбь о неожиданной смерти покойнаго и искреннее желаніе молиться за упокой души его. Заупокойное богослуженіе окончилось рѣчью надзирателя училища В. К. Романовскаго ³⁾, который въ картинныхъ и сильныхъ выраженіяхъ обрисовалъ нравственный образъ своего покойнаго сослуживца, — человѣка глубоко вѣрующаго, весьма скромнаго, добраго и честнаго.

Тѣло покойнаго Павла Васильевича было предано землѣ на ближайшемъ Евдокіевскомъ кладбищѣ.

Миръ праху твоему, добрый товарищъ и честный труженникъ!

Автору настоящей некрологической замѣтки немного времени пришлось служить съ покойнымъ Павломъ Васильевичемъ: только полтора года, но и за это сравнительно короткое время онъ успѣлъ познаться съ характеромъ дѣятельности покойнаго и его душевнымъ складомъ; знакомство это, хотя и далеко неполное, даетъ ему возможность сказать нѣсколько словъ о личности Павла Васильевича и подѣлиться своими впечатлѣніями съ тѣми изъ читателей, для которыхъ память о покойномъ дорога.

Покойный представлялъ собою примѣръ скромнаго и честнаго труженника на тяжеломъ педагогическомъ поприщѣ; онъ не былъ карьеристомъ, подобно большинству современныхъ людей: смотрѣлъ на службу, какъ на высокій, отвѣтственный подвигъ, и безкорыстно отдавалъ ей все свои силы. Окончивъ курсъ духовной академіи, Павелъ Васильевичъ поступилъ на службу въ родное для него Липецкое духовное училище и про-

²⁾ См. ниже 2-е.

³⁾ См. ниже 3-е.

служилъ въ немъ болѣе шестнадцати лѣтъ, отдавъ лучшіе, молодые годы своей жизни; чуждый духа карьеризма, очень скромный, онъ не хотѣлъ пользоваться преимуществами своего высокаго образованія и не занялъ болѣе виднаго служебнаго положенія даже тогда, когда ему представлялся удобный случай сдѣлать это. Одно вліятельное лицо, близко знакомое родителямъ покойнаго, предлагало ему занять другое, болѣе видное мѣсто, которое могло дать ему и лучшее матеріальное обезпеченіе, и болѣе высокія служебныя права, но необыкновенная скромность и любовь къ родному училищу удержали покойнаго на прежнемъ мѣстѣ. При скромномъ и честномъ направленіи своего духа, Павелъ Васильевичъ отличался рѣдкою добротою и снисходительностію къ другимъ, которая особенно замѣтно проявлялась въ его отношеніяхъ къ ученикамъ. Плохія отмѣтки были рѣдкимъ явленіемъ въ спискахъ покойнаго! Сдѣлавшись больнымъ и прекративъ предъ смертію посѣщеніе уроковъ, онъ тѣмъ не менѣе заботился о своихъ питомцахъ и стремился выйти изъ квартиры, хотя-бы только на одинъ день, чтобы самому вывести средніе баллы за учебную четверть, которая приходила къ концу: *„мои замѣстители, шутливо говорилъ по этому поводу покойный, могутъ поставить много плохихъ балловъ, но самъ я не обижу своихъ учениковъ“*. Павелъ Васильевичъ не только не наказывалъ лѣнивыхъ и шаловливыхъ учениковъ, но и рѣдко дѣлалъ имъ замѣчанія. Холодный, оффиціальныи тонъ, гордое, ливое отношеніе къ ученикамъ, чрезмѣрная требовательность, рѣзкія замѣчанія, словомъ, тѣ казенныя педагогическіе приемы которые господствовали въ старыхъ школахъ и которые практикуютъ иногда и современные педагоги, не мирились съ мягкою и доброю натурою покойнаго: его отношенія къ ученикамъ были проникнуты тою простотою и сердечностію, которыя такъ привлекаютъ къ себѣ дѣтей! однако, при всей своей добротѣ и снисходительности, онъ умѣлъ быть требовательнымъ и заставлялъ уче-

никовъ серьезно относиться къ дѣлу. Это особенно нужно сказать относительно первыхъ лѣтъ службы, когда покойный аккуратно посѣщаль уроки и работалъ съ полною энергіею молодыхъ, здоровыхъ силъ. Въ раннемъ періодѣ службы Павла Васильевича семинарскіе отчеты указываютъ даже такіе годы, въ которые ученики его, при переходѣ въ семинарію обнаруживали лучшія познанія сравнительно съ учениками другихъ училищъ нашей епархіи; за послѣдніе годы, когда здоровье Павла Васильевича сильно пошатнулася, и онъ началъ опускать уроки, знанія учениковъ по его предмету, естественно, понизились.

Ученики хорошо понимали и высоко цѣнили гуманныя отношенія къ нимъ добраго наставника и платили ему съ своей стороны искреннею любовію, которую особенно наглядно показали послѣ его смерти. Уже первое извѣстіе о смерти Павла Васильевича вызываетъ на глазахъ учениковъ слезы и повергаетъ ихъ въ глубокую печаль! Потомъ, опомнившись, они собираютъ довольно большія для нихъ деньги и покупаютъ дорогою вѣнокъ, далѣе, идутъ къ воспитателямъ и просятъ отпустить ихъ на квартиру покойнаго, чтобы поклониться праху его, и глубоко огорчаются, когда воспитатели не разрѣшаютъ имъ отпуска вслѣдствіе начала вечернихъ занятій.

Наконецъ, въ день погребенія ученики всѣ до одного, не исключая и самыхъ малыхъ изъ нихъ, безъ всякаго побужденія со стороны воспитателей, идутъ за гробомъ своего учителя и провожаютъ его до самой могилы, не смотря на грязную дорогу и длинный путь! Такое поведеніе учениковъ было не инымъ чѣмъ, какъ только выраженіемъ глубокой признательности къ своему преждевременно умершему наставнику.

Нельзя не отиѣтить при этомъ еще одного факта.

Для чтенія псалтири при покойномъ назначены были ученики только одного выпускнаго класса, какъ болѣе возрастные и болѣе опытные въ чтеніи; узнавъ объ этомъ, ученики другихъ, млад-

шихъ классовъ, сочли себя обоженными и выражали прямое недовольство: „*И мы желаемъ читать, говорили они, и хотъ чьмъ нибудь послужить Павлу Васильевичу: онъ добрый былъ для насъ!*“..

Фактъ этотъ говорить самъ за себя.

Павель Васильевичъ пользовался глубокиль расположеніемъ и среди своихъ сослуживцевъ за прямыя, честныя и нелицемѣрныя отношенія къ нимъ; имѣя веселый, открытый нравъ, онъ являлся въ ихъ обществѣ пріятнымъ, остроумнымъ собеседникомъ и добрымъ, отзывчивымъ товарищемъ.

Θ. Островскій.

С Л О В О

на погребеніе П. В. Соколова.

I.

Много картинъ встрѣчается, братіе, въ жизни грустныхъ и тяжелыхъ; но ни одна, кажется, не смущаетъ такъ нашего духа, какъ видъ гроба съ бранными останками человѣка, подобнаго намъ;—да и изъ этихъ ни одна такъ не тяжела для взора, какъ та, на которой гробъ, составляя ея центръ и тѣмъ привлекая наше особенное къ ней вниманіе, вмѣщаетъ въ себѣ прахъ человѣка, близкаго намъ по духу и жизни, но похищеннаго отъ насъ неумолимою рукою смерти еще полнымъ силъ и похищеннаго неожиданно.

Только нѣсколько дней назадъ, какъ почившій братъ нашъ былъ между нами, жилъ нашею общею жизнью, съ большимъ интересомъ бесѣдовалъ съ нами о нашей семейной—училищной и окружающей насъ жизни общественной. Его интересовали и текущія занятія въ школѣ, и дѣла общественныя и, какъ видно, мысль о такой близкой разлукѣ съ міромъ далека была отъ него.

Но вотъ онъ берется отъ насъ помимо его воли, ему указывается иной путь, новая жизнь, онъ получаетъ другое назначеніе и не отъ земныхъ властей а отъ Единого Вседержителя и Распорядителя еудебъ міра и человѣка.

При видѣ этого гроба, мы не можемъ не сознаться, насколько же легкомысленнымъ и суетнымъ оказываются все планы и заботы людскія, и какой въ то же время поучительный урокъ дается намъ этимъ гробомъ съ безмолвно въ немъ лежащимъ нашимъ почившимъ собратомъ! Хотя уста почившаго сомкнуты, и отъ него не слышно ни одного живого звука, онъ безмолствуетъ, но сколько поучительнаго заключается въ этомъ гробовомъ его молчаніи! Если изъ этихъ сомкнутыхъ устъ не несутся живые звуки, то изъ нихъ истекаетъ слово беззвучное, проповѣдь безмолвная. И эта проповѣдь, не слышная для слуха, понятна уму и чувствуется сердцемъ. И какъ много вопросовъ затрогиваетъ она, и какой важности эти вопросы!

Но чтоже мы слышимъ въ этой безмолвной проповѣди? Не то-ли, какъ слабы наши связи съ міромъ; не то-ли, какъ суетны все наши житейскіе планы и мечтанія; не то-ли, что человѣкъ, въ какомъ бы возрастѣ онъ не былъ, не защищенъ отъ смерти, такъ беспощадно поражающей безъ разбора какъ старца, уже готоваго къ переживанію этой жизни на другую, такъ и человѣка еще полнаго силъ, такъ сильно привязаннаго въ земной жизни, такъ доверчиво смотрящаго ей въ глаза и еще много, много ожидающаго отъ ней. Да, все это слышится въ гробовомъ молчаніи нашего почившаго собрата... Изъ его сомкнутыхъ устъ несетъ къ намъ навѣ бы такое послѣднее завѣщаніе и наставленіе: не питайте, друзья, всецѣлой привязанности къ сей земной жизни; не забывайте, братья, что и ваша связь съ этой жизнью непрочна; каждую минуту нить и вашей жизни можетъ оборваться, и вы послѣдуете туда-же, куда теперь иду и я. Такъ же, какъ и вы, я былъ привязанъ въ земной жизни; такъ же, какъ и вы, цѣ-

нили и я эту жизнь, съ ея радостями и утѣхами, но помимо моей воли мнѣ уназана другая жизнь... и вотъ я уже вступилъ въ нее. Эта же иная, неземная жизнь впереди и для васъ, братья, и я только предупредилъ васъ; но кто знаетъ, не послѣдуетъ ли скоро кто-либо и изъ васъ по моимъ слѣдамъ въ эту новую жизнь. Будьте же готовы для нея!

Поучительна, братіе, эта проповѣдь для насъ: она охлаждаетъ порывы нашего воображенія и заставляеть невольно остановиться на роковой мысли о смерти, не щающей никакой жизни съ ея недоконченными планами, неосуществившимися мечтами и надеждами. Внемлемъ-же, братіе, этому заключительному слову нашего почившаго брата, земного учителя, сохранимъ въ нашемъ умѣ и запечатлѣмъ въ сердцахъ наше назиданіе.

Но чѣмъ-же и воздадимъ мы, братіе, нашему почившему собрату—наставнику за преподанное имъ намъ послѣднее безмолвное поученіе изъ предстоящаго намъ гроба? Быть можетъ, принесемъ къ его гробу дань похвалъ, столь обычныхъ между нами живущими? Конечно, изъ описанія его трудовъ какъ наставника, и изображенія добрыхъ качествъ его сердца, какъ товарища, сослуживца и вообще человѣка можно было-бы собрать достаточно яркихъ и благоуханныхъ цвѣтовъ, чтобы сплестъ изъ нихъ вѣнокъ похвалъ на гробъ почившаго. Что для него теперь значать похвалы человѣческія, когда онъ, окруженный святыми ангелами, вѣрными и неподкупными свидѣтелями нашей жизни, уже предстоить суду Божию, суду страшному и нелицепріятному! Не мѣсто и не время теперь для суетныхъ словъ хвалы человѣческой!

Совесть иную обязанность возлагаетъ на насъ Св. Церковь къ усопшему собрату нашему, и онъ самъ словами церковной цѣсни просить насъ исполнить этотъ долгъ. *Прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхамъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный.*

Таковы послѣднія, прощальныя слова нашего почившаго брата, уже несущіяся къ намъ изъ міра иного, загробнаго. Онъ жаждетъ нашихъ молитвъ о спасеніи души его.

Его духъ, оставившій это бренное и заключенное въ предстоящій гробъ тѣло, теперь ведется къ мѣсту упокоенія по новому пути, намъ еще невѣдомому, но открытому нашему упованію. Мы не знаемъ трудностей этого пути, но вѣруемъ, что молитвы Церкви облегчаютъ душамъ усопшихъ шествіе по нему и ускоряютъ приближеніе ихъ къ блаженнымъ селеніямъ праведныхъ; мы вѣруемъ и сознаемъ, что чистая молитва вѣры, чуждая границъ мѣста и времени, проходящая небеса и восходящая къ Престолу Всевышняго, теперь остается единственнымъ богодарованнымъ средствомъ нашего общенія съ усопшимъ.

Не престанемъ же, братіе, возносить наши посильныя молитвы къ Богу духовъ и всякія плоти, да вселить Онъ почившаго брата нашего, новопреставленнаго раба своего Павла, въ селеніяхъ праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. И это съ нашей стороны будетъ лучшею данью любви и признательности почившему и лучшимъ утѣшеніемъ и для него на томъ пути, на который Господь воззвалъ его.

И. И. Нарциссовъ.

II.

„*Что есть человекъ,* взываетъ Псалмопѣвецъ къ Богу, *яко помниши его и посѣщаеши его, умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ!*“ Но какъ непрочень и недолговѣченъ человекъ! „*Человекъ,* говоритъ тотъ-же псалмопѣвецъ, *яко трава, днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ и не будетъ и не познаетъ ктому мѣста своего (Псал. 102)*“.

Дни, т. е., жизнь человека, яко трава, выростетъ на лугу трава и не дадутъ ей созрѣть. Въ полномъ ея соку, на лугъ при-

ходятъ косцы съ острыми косами, поднашиваютъ ее, и она засыхаетъ, какъ бы умираетъ. *Дни его, яко цветъ сельный, тако отцвететъ.* Утромъ появится въ полѣ цвѣтокъ, а днемъ отъ зноя солнечнаго онъ уже увядаетъ, и вѣтеръ разноситъ во всѣ стороны лепестки его. *И не познаетъ ктому мѣста своего,* гдѣ онъ красовался. Такъ-же не проченъ и недолговѣченъ сталъ и человекъ!

Предъ нами гробъ! И кто-же въ этомъ гробѣ?!

Въ немъ упокоился достоблаженный и приснопамятный о Христѣ братъ нашъ Павелъ Васильевичъ, едвали достигшій преполовенія дней своихъ. На прошедшей недѣлѣ его вызывалъ къ себѣ сильно заболѣвшій отецъ, чтобы заживо проститься съ нимъ и благословить его на долгую жизнь послѣ его. Смерть угрожала отцу, а поразила сына, роковая болѣзнь уложила его въ этомъ гробѣ. Извѣстie о смерти его было такъ неожиданно, что никто не хотѣлъ этому вѣрить; но скоро всѣ убѣдились, что это горькая и неотразимая истина! Вотъ его гробъ, а скоро и гроба не будетъ: могила скроетъ его отъ нашихъ глазъ. *Восплачьте о мнѣ братіе и друзи, сродницы и знаеміи,* вызываетъ онъ къ намъ изъ гроба, *непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія.*

Возлюбленный братъ нашъ, Павелъ Васильевичъ! До глубины души насъ всѣхъ трогаетъ просьба твоя, всѣ молимся о тебѣ и будемъ молиться: и родительница твоя, оплакивающая внезапную кончину твою, своего единственнаго сына, и сослуживцы твои, лишившіеся въ тебѣ своего дорогого товарища, и твои осиротѣвшіе питомцы, и мы, служители алтаря Господня и всѣ собравшіеся въ храмъ сей,—всѣ вознесемъ сердечныя, горячія молитвы о упокоеніи души твоей!

Да будетъ блаженъ путь твой, достоблаженне и приснопамятне брате нашъ Павле! Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Серебряковъ.

III.

Дорогой товарищ и добрый учитель нашъ Павелъ Васильевичъ!

Какъ скоро ты покинулъ насъ! Кто могъ ожидать, что такъ печально окончится твоя, повидимому несложная болѣзнь? И что это за жестокой палачъ, который не щадить ни красоты юности, ни зрѣлаго мужества, ни почетной старости? Только сверкнетъ его безжалостное лезвіе и одной жизнью на землѣ меньше станетъ!! Какъ полевой цвѣтокъ во всей прелести своей зрѣлости и красоты, острой косою сръзанный, улегея ты во гробъ къ великой скорби нашей и унынію. Ты уже не придешь болѣе въ училище, не раздѣлишь съ нами товарищеской бесѣды и не задашь уроковъ своимъ юнымъ питомцамъ. Позволь же теперь, братъ, въ послѣдній часъ разлуки наговориться съ тобою и получить отъ тебя уроки болѣе важные и болѣе серьезные. Не красно протекло житье твое. Жестокая судьба наложила свою суровую руку на тебя, и ты мало видѣлъ свѣтлыхъ дней. Не улыбнулся тебѣ лучъ счастья, и не насладился ты отъ трапезы земного чертога? Человекъ съ высшимъ образованіемъ, съ большимъ титуломъ, которому, кажется, всѣ двери были открыты въ широкой и популярной жизни, ты не воспользовался этимъ и предпочелъ замкнутость, неизвѣстность, глушь и тѣноту. Тебя совсѣмъ не видно было въ общественныхъ собраніяхъ и товарищескихъ кружкахъ, рѣдко ты показывался на улицѣ, да и всегда то ты былъ угрюмъ, печаленъ и молчаливъ. Ты не возвышалъ своего голоса съ авторитетомъ ученаго, не кичился своимъ академическимъ образованіемъ, ты всегда старался болѣе слушать, чѣмъ говорить и миѣнія другихъ всегда уважалъ. Что, какъ не скромность, причиною тому? Этотъ великій даръ отъ прекрасныхъ родителей твоихъ, который украшалъ тебя во всю жизнь твою, особенно во время юности. Имя скромнаго тебѣ дано было еще въ Семинаріи, съ нимъ ты былъ въ Академіи, и больше по этому славному имени

тебя помнятъ товарищи твои. Не покинуло тебя и до послѣднихъ дней это прекрасное украшеніе. Оно, то румянцемъ стыдливости покроветъ свѣтлое лицо твое и спрячетъ глаза твои отъ прямыхъ, не всегда стыдливыхъ взглядовъ; то сомкнетъ уста твои, хотя ты и не лишенъ былъ краснорѣчія и остроты, то прогонитъ тебя съ шумной улицы и заключитъ тебя въ оковы скучнаго одиночества.

Твоя безпримѣрная честность загнала тебя въ убогую хижину, оторвала отъ тебя родныхъ и знакомыхъ, а великодушная щедрость довела до нищеты. Это ли не добродѣтель и не подвигъ? Что въ сравненіи съ нимъ домовитое хозяйство, почетное имя, громкая популярность? Это дымъ, сѣнь непостоянная, роса утренняя! И счастливъ ты, что не затащила тебя судьба въ пучину житейской сладости, не приковала твоей души къ земнымъ удовольствіямъ. Тѣмъ легче тебѣ сбросить съ себя оковы тѣлесныя и подняться на облаки. Вмѣстѣ съ этими неувядаемыми цвѣтами въ вѣнецъ украшенія душѣ твоей слѣдуетъ присоединить слѣдующее. Ты былъ человекъ глубоко вѣрующій и религіозный. Ты неопустительно посѣщалъ службу Божію и молился усердно. Ты, какъ будто, предчувствовалъ близкую кончину свою, когда всякій разъ при прошеніи: „Христіанскія кончины живота нашего... и добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовѣ просимъ“... ты преклонялъ колѣно, и глубокой вздохъ потрясалъ душу твою. Ты любилъ красоту службы Божіей, правилось тебѣ дѣтское пѣніе, поэтому мы, насколько можно, хотѣли въ послѣдній разъ угодить тебѣ.

Что скажу о твоёмъ отношеніи къ этимъ юнымъ питомцамъ, которые окружаютъ гробъ твой, къ твоимъ ученикамъ, любящимъ тебя? Твои отношенія къ нимъ были всегда корректны и серьезны. Но чуткое дѣтское сердце сквозь эту суровую оболочку видѣло твою доброту и простоту и никогда не ошибалось въ этомъ. Ты, дѣйствительно, былъ къ нимъ очень добръ и снисходителенъ

никого не желалъ ты огорчать плохую оцѣнкою отвѣта, и вотъ еще въ прошлую среду собирался итти въ классъ исправить дѣтямъ плохія отвѣтки. Они за это очень любили тебя. Вотъ почему такъ сильно потрясло ихъ извѣстіе о неожиданной смерти твоей. Быстро оросились слезами ихъ веселые глазки и плачевныя вопли наполнили классы. И слезы эти были непритворны, насколько проста и искренна душа дѣтская.

Вотъ въ краткихъ чертахъ прекрасный образъ твой, достойный уваженія и подржанія. Ну что говорить модный „свѣтъ“ въ своемъ поверхностномъ сужденіи о тебѣ, и что думали иногда мы? Твою необщительность объясняли гордостью; твою молчаливость приписывали недостаточной освѣдомленности, твою доброту и простоту къ ученикамъ считали недочетомъ въ педагогическихъ пріемахъ, за твою честность и щедрость тебя осуждали. Ты насъ стыдился, а мы думали, что ты насъ презираешь; или, что хуже всего, ты жилъ въ тѣснотѣ и бѣдности, и мы чуждались тебя. И вотъ теперь, преклоняя колѣна сердечныя предъ твоимъ честнымъ гробомъ, съ душою сокрушенною и смиреніемъ просимъ тебя: „прости насъ, нашъ добрый товарищъ! Мы жестоки были къ тебѣ; мы осуждали тебя, строги были къ твоимъ слабостямъ, даже въ послѣдніе дни жизни твоей мы не посѣтили тебя и не успокоили твоего больного сердца. Мы недостойны назваться твоими товарищами!

Прости насъ, нашъ добрый учитель и наставникъ! Мы злоупотребляли твоею добротой, лѣнились и огорчали тебя. Ты вѣдь никогда не помнилъ зла. Прости насъ всѣхъ, незлобивый Павелъ Васильевичъ, честный страдалецъ и мученикъ!

В. К. Романовскій.

Какъ проповѣдуютъ книгоноши.

(Изъ словеснаго отчета миссіонера — книгоноши).

Прихожу я въ одинъ молоканскій домъ и предлагаю купить книги.

„А нѣтъ-ли у тебя портретовъ нашихъ волякъ — Куропаткина, Макарова, Стесселя? Спрашиваетъ меня старикъ: „вотъ ихъ-бы мы купили пожалуй“.

— Нѣтъ, говорю, такихъ нѣтъ. А есть у меня портреты тѣхъ воиновъ, которые побѣдили не японцевъ, а всѣ силы ада.

„Да это кто-же такіе?“

— А Господь, апостолы...

„О, это ты про иконы чтоли-ли!“

— Да, да про портреты нашихъ защитниковъ отъ враговъ невидимыхъ.

„Э этаго намъ не нужно, мы о нихъ читаемъ въ Евангеліяхъ; изображенія ихъ бесполезны“.

— Эхъ, старина, старина, грѣхъ тебѣ! Вѣдь и про Куропаткина-то ты небось читаешь въ телеграммахъ и газетахъ. И кажется довольно-бы. Нѣтъ, ты еще спрашиваешь ихъ картины. Для чего? почему? Да читать про кого —нибудь—это одно, а кромѣ того хочется еще видѣть и портретъ или картину. Читаешь ты, примѣрно, про сраженіе. Нѣтъ, мало того, ты еще повѣсешь на стѣну и картину этого сраженія: такъ оно понятнѣе, виднѣе, да и сердце больше трогается. А вѣдь въ спасеніи — въ этомъ все, чтобы сердце обратить къ Богу...

И начавъ отъ сего, я благовѣствовать имъ о душевной пользѣ христіанскаго иконопочитанія и его различіи отъ языческаго идолослуженія.

Другой разъ, усталый, я попросился въ молоканскій домъ попить чайку.

„Слышу я про тебя, дядя, говорить мнѣ за чаемъ хозяинъ, что ты знаешь въ Словѣ Божіемъ. Вотъ и библию съ собой носишь. Но зачѣмъ-же ты продаешь несогласное съ Писаніемъ?“

— Ты это про что? Какъ это несогласное?

„Да вонъ у тебя въ коробѣ иконы“.

— То-то и есть, что несогласнаго-то въ нихъ съ Писаніемъ ровно ничего нѣту.

Я пододвинулъ коробъ и сталъ вынимать изъ него одну за другой бумажныя иконки.

— Вотъ тебѣ, смотри, напримѣръ, взялъ я одну, нарисованъ Христосъ, на крестѣ распятый среди двухъ разбойниковъ; у креста стоитъ Богословъ и Богоматерь; вдали—городъ; кругомъ—толпа народа. Вѣдь это же все изъ Писанія. Не вѣришь?

И я раскрылъ Евангеліе и сталъ читать о распятіи.

Вотъ въ этой близости къ народу, простотѣ логики, естественности и жизненности построения проповѣди—сила и польза книгоношества—миссіонерства. Необходимо каждому священнику сектантскаго села непременно обучить и приохотить къ миссіонерскому дѣлу хоть одного, двухъ благочестивыхъ грамотѣевъ, которые-бы просто и умно могли возразить сектанту при всѣхъ многообразныхъ случаяхъ, когда столкнеть ихъ общая деревенская жизнь.

Влад. Базаряниновъ.

Мысли мудрыхъ людей.

Истинное христіанство заключается единственно въ чистой вѣрѣ, въ любви и святой жизни; а святотѣть жизни проистекаетъ изъ истиннаго покаянія человѣка и изъ познанія имъ самого себя, когда человѣкъ ежедневно познаетъ свои недостатки, ежедневно исправляетъ ихъ и черезъ вѣру въ Искупителя становится причастнымъ правдѣ и святости Христовой. (Іоан. Арндтъ).

Христіанство явилось какъ добрая вѣсть спасенія всему міру. Ибо міръ весь во злѣ лежитъ. Путь спасенія отъ этого зла міродержительнаго открылъ Христосъ Своимъ подвигомъ и Своимъ ученіемъ. Человѣчество вступило на этотъ путь, но немогие прошли по немъ, и донынѣ всемірное спасеніе остается только доброю вѣстью. И донынѣ міръ весь во злѣ лежитъ. И жизненный смыслъ христіанства сначала превращенъ вождями человечества въ отвлеченное ученіе, а затѣмъ почти вовсе исчезъ изъ сознанія передовыхъ людей и скрылся въ темной глубинѣ народной души.

Явленіе новаго духовнаго человѣка во Христѣ есть средоточіе всемірной исторіи. Конецъ или цѣль этой исторіи есть

явленіе духовнаго человѣчества. Древній міръ тяготѣлъ къ духовному человѣку, новый міръ тяготѣетъ къ духовному человѣчеству, т. е. къ тому, чтобы Христось вообразился во всѣхъ. Эта цѣль достигается двоякимъ путемъ: путемъ личнаго нравственнаго совершенствованія и путемъ улучшенія общественныхъ отношеній.

(Вл. Соловьевъ).

Все доброе въ человѣкѣ божественно само по себѣ. Душа человѣка есть зеркало, въ которомъ можно втайнѣ видѣть образъ божественнаго разума.

Истинная вѣра человѣка направлена не на то, чтобы доставить ему покой, а чтобы дать ему силы на трудъ.

Правда—всегда правда и зло—всегда зло. Только безумецъ, дѣлая зло, говоритъ, что онъ дѣлаетъ это для чьего-то блага. Главный и особенный способъ отрицать существованіе Бога состоитъ въ томъ, чтобы признавать всегда безусловно справедливымъ общественное мнѣніе и не придавать никакого значенія мнѣнію Бога.

Гдѣ начинается исканіе истины, тамъ всегда начинается жизнь; какъ только прекращается исканіе истины, прекращается и жизнь.

(Дж. Рескинъ).

Истина есть Самъ Богъ.

(Ома Копійскій).

Есть только три разряда людей: одни обрѣли Бога и служатъ Ему; люди эти разумны и счастливы. Другіе не нашли и не ищутъ Его; эти безумны и несчастны. Третьи не обрѣли, но ищутъ Его; эти люди разумны, но еще несчастны.

(Власть Паскаль).

Исторгниите истину Божию и Христову изъ человѣчества: съ чѣмъ будетъ то же, что съ тѣломъ безъ сердца, что съ міромъ безъ солнца.

Свѣтъ одного научнаго образоваіа безъ свѣта Христовой истины, все равно, что свѣтъ луны безъ солнца, свѣтъ холодный и безжизненный, свѣтъ чуждый и заимствованный; онъ будетъ только скользить по поверхности души, какъ скользить свѣтъ луны по скалѣ, не проникая внутрь ея, — никогда не въ состояніи будетъ согрѣть, оживить и возбудить сердце наше къ трудамъ и подвигамъ, скорбямъ и лишеніямъ. (Филар. М. Москов.).

Жизнь — не что иное, какъ дѣйствующій разумъ, а дѣйствующій разумъ — только другое названіе Бога. (Блэкки).

Ищи только такого ученія, которое возбуждаетъ, питаетъ и укрѣпляетъ въ тебѣ любовь къ Богу.

Убѣгай бредней философовъ, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою, и говорить о себѣ, что они были нѣкогда и деревьями и рыбами. А я, хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однако-же со всѣмъ усиліемъ готовъ утверждать, что когда они писали это, то были безсмысленнѣе рыбъ. (Св. Василій Велик.).

Какъ жить? — Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всѣмъ — мое почтеніе, или нужно жить велицемѣрно, и вести себя примѣрно. Тогда наше дѣло будетъ вѣрно, а иначе выйдетъ скверно. (Амвросій, оптин. старецъ).

Діаконъ *Іаковъ Зайцевъ.*

Содержаніе. Отдѣлъ неофициальный. I. Слово въ день Государя Императора — 6-е мая. II. Современная моральная безпринципность въ приложеніи къ вопросу о характерѣ христіанской жизни. (Окончаніе). III. Войкотъ. Разсказъ. (Окончаніе). IV. Павелъ Васильевичъ Соловьевъ. (Некрологъ) и три слова на погребеніе его. V. Какъ проповѣдуютъ книгоноши. VI. Мысли мудрыхъ людей.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, *Архимандритъ Ѳеодоръ.*

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій.*